

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЪЕ

ПОСЛЕДНЯЯ РУКОПИСЬ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Франк Тилье

Последняя рукопись

Серия «Звезды мирового детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42354918
Франк Тилье Последняя рукопись:
ISBN 978-5-389-16550-2

Аннотация

Дорожная авария в окрестностях Гренобля: юноша, удирая на автомобиле от таможенных контролеров, врезался в парапет и погиб. Подоспевшие полицейские обнаружили в багажнике тело девушки. Без лица. Так начинается новый роман Франка Тилье «Последняя рукопись», напоминающий хитроумно выточенную матрешку, где одна загадка сменяет другую. Главная линия связана с Лин Морган: скромная учительница, ставшая королевой триллера, всегда держала личную жизнь в секрете, но эта прежняя жизнь – спокойная, счастливая – обратилась в прах с исчезновением семнадцатилетней дочери. Лин вынуждена покинуть прекрасную виллу на Опаловом Берегу, расстаться с мужем. Но спустя четыре года раздается телефонный звонок, и ей сообщают, что муж в больнице. Более того, после совершенного на него нападения он потерял память...

Впервые на русском!

Содержание

Предисловие	6
Калеб Траскман	12
Пролог	13
1	18
2	23
3	31
4	38
5	50
6	61
7	70
8	79
9	92
10	96
11	110
12	115
13	120
14	127
15	136
16	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Франк Тилье

Последняя рукопись

Franck Thillez

LE MANUSCRIT INACHEVÉ

Copyright © 2018, Fleuve Editions, Département d'Univers
Poche

Серия «Звезды мирового детектива»

Оформление обложки Ильи Кучмы

© М. И. Брусовани, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Шолмс. Видите ли, Вильсон, мы недооценили
Люпена. Придется начать все сначала.*

Вильсон. А лучшие еще раньше.

Морис Леблан.

Арсен Люпен против Херлока Шолмса

Предисловие

«Прежде всего только одно слово: меченосец...»¹

Так начинается книга моего отца, Калеба Траскмана. Я обнаружил папку с его рукописью на чердаке, куда он имел досадное обыкновение сваливать все подряд. Пачка листов формата А4 в полной сохранности уже с год валялась в куче хлама под слуховым окошком, из которого тем летом лился мягкий свет северного солнца. Отец никому не сообщил о существовании романа, он работал над ним в одиночестве на своей огромной вилле с видом на море в течение десяти месяцев, когда мою мать медленно пожирала в больнице болезнь Альцгеймера.

Он не завершил истории, относящейся неизвестно к какому времени. Однако мне кажется, что этой почти пятисот-страничной рукописи недостает всего какого-то десятка листов. Само по себе мелочь, но катастрофа для литературного жанра, в котором блистал отец, чьи триллеры приводили в трепет сотни тысяч читателей. И сейчас я, без сомнения, держал в руках один из его лучших романов. Лихо закрученный, запутанный, погружающий в атмосферу тревоги и страха. Один из самых черных. История этой писательни-

---

¹ Издатели и переводчик этой книги выражают глубокую благодарность Игорю Марахову за помощь в создании русского варианта головоломки, придуманной Франком Тиле.

цы, Лин, сделанной из того же теста, что и мой отец, покорила меня и напомнила, насколько точно книги отца отражали его глубинные тревоги и самые жуткие навязчивые идеи. Я думаю, он примирялся с самим собой, только когда изливал свой страх на бумагу. А уж страха в этом романе было предостаточно – слово Траскмана.

«Ну и чем же он кончается? – спросите вы. – Где финал, в котором все должно разрешиться, черт побери? Почему Калеб Траскман, король интриги и великолепных развязок, не дал нам ответов на поставленные им же самим в романе вопросы? Почему не довел до конца свою семнадцатую книгу?»

Я мог бы думать, что он забросил работу в связи с кончиной моей матери, отложил незавершенную рукопись, возможно уже зная, что через три месяца пустит себе в лоб пулю из полицейского оружия. Или же он попросту не сумел закончить историю. Да, я мог бы так думать, но некоторые детали в тексте убеждали меня в другом. Подсказывали, что отец с самого начала знал, что не допишет роман. Как будто само отсутствие концовки составляло часть интриги, «загадку Калеба Траскмана». Последний блестящий мастерский ход перед смертью.

И все же скептически настроенные читатели усомнятся: к чему сочинять книгу, не имеющую конца? Зачем тратить целый год жизни на строительство дома, зная, что вы никогда не подведете его под крышу? Сейчас, когда я пишу эти

строки, загадка по-прежнему требует решения, однако это, скорее, дело личное.

Когда бессменная издательница отца Эвелина Леконт узнала о существовании рукописи, от радости она аж подпрыгнула до потолка. Однако, прочтя книгу и поняв, что интрига сводится к искусному трюку, но лишена самого главного – его разоблачения, впала в глубокое отчаяние. Немыслимо публиковать посмертный роман Калеба Траскмана без свойственной его произведениям блистательной концовки, хотя, могу предположить, что множество читателей с жадностью набросились бы на новую книгу.

И тут настала пора выдвижения самых разных предположений и самых противоречивых идей, призванных решить отцовскую головоломку. Мы неделями корпели над этой загадкой в парижских кабинетах, устраивая мозговые штурмы. С десятков знатоков усаживались вокруг стола, чтобы снова и снова перечитывать рукопись, вылушивать каждую фразу с единственной целью – понять, почему Калев старательно выделил палиндромы, почему в этой книге столь заметно его пристрастие к цифрам.

В моменты непонимания и сомнения мы молча сердито переглядывались. Особенно мы заиклились на первой фразе романа: «Прежде всего только одно слово: меченосец...» К чему она? Каков ее подлинный смысл? Поверьте, в издательстве не осталось никого, кто не знал бы о том, что меченосец – это пресноводная тропическая рыбка, получившая

свое название из-за формы хвостового плавника. Теперь и вы в курсе, верно?

И вот однажды Эвелина, зная моего отца больше тридцати лет, предложила решение.

РЕШЕНИЕ.

Она наконец нашла ключ, выявила неумолимый механизм изошренного воображения моего отца. На самом деле Эвелина предложила вполне очевидную концовку, все детали красовались перед нашими глазами с самых первых слов романа (и до последних). Однако доверенную в хорошие руки очевидность как раз труднее всего заметить. Именно в этом и проявился гений Калеба Траскмана.

Теперь оставалось лишь сформулировать концовку, и тут все взгляды обратились на меня. Я не обладаю талантом своего родителя, однако все же унаследовал толику его дарования, а потому пару лет назад опубликовал парочку собственных незатейливых детективов. Ближе к концу романа вы обнаружите метку, указывающую, где за перо взялся я. Вы также обратите внимание, что на протяжении всей интриги мы оставили нетронутыми выделенные слова и некоторые другие важные элементы. Итак, сейчас вы держите в руках то, что прошлым летом оказалось в моих.

Осталось несколько мест, которые нам так и не удалось прояснить в процессе сочинения концовки, их нам пришлось выдумать. Теперь трудно узнать, к чему именно хотел прийти мой отец и как он предполагал завершить эту ис-

торию. Что касается лакун, которые изначальный сюжет не позволил нам заполнить, мы были вынуждены делать выбор, принимать решения, каковые, возможно, не соответствовали тому, что имел в виду автор. Чтобы получить представление о сложности задачи, вообразите себе «Джоконду» без лица, которое поручено написать вам... В любом случае, надеюсь, моя концовка оправдывает ваши ожидания – я сделал для этого все, что мог.

Для того чтобы максимально сохранить замысел Калеба, до последнего слова соблюсти дух этой книги, требовалась именно та развязка, которую вы обнаружите в романе. В ней – если вы будете читать внимательно – содержится ответ на вопрос, который вы неизбежно себе зададите.

Ах да, вот еще что. Я думаю о самых преданных читателях Калеба, о тех, кто скептически отнесется к самому этому предисловию. Я так и слышу их рассуждения: это предупреждение написал сам Калев Траскман, он явно был бы на такое способен. Подобный ход является частью истории, а это наводит на мысль о том, что Калев сам придумал концовку, изменив собственную манеру письма. Думать так – ваше право, и я никогда не смог бы доказать обратное. Но в конце концов, какая разница. Роман – это игра иллюзий, все столь же правдиво, сколь и ложно, а история существует лишь в тот момент, когда вы ее читаете.

Книга, к которой вы вот-вот приступите (а может, уже приступили?), называется «Последняя рукопись». Это моя

идея, и издательство единодушно ее приняло. Выбора не было.

Ж.-Л. Траскман

Калев Траскман

Последняя рукопись

«Прежде всего только одно слово: меченосец...»

Пролог

Январь 2014 г.

Зима. Изголодавшаяся, паршивая, беспощадная. Она приводила в уныние бегунов-любителей и сметала своим ледяным крылом все планы на наступивший год. Сара же, наоборот, видела в ней дополнительный стимул для тренировок. Близились департаментские соревнования по бегу на среднюю дистанцию, и она рассчитывала блеснуть на них.

Семнадцатилетняя лицеистка спрятала белокурые волосы под шерстяную шапочку в сине-зеленую полоску, натянула специальные спортивные перчатки, закрепила на предплечье нарукавный фонарь, сбегала по лестнице и заглянула в кабинет:

– Мам, я ухожу!

Никто не ответил. Ее мать наверняка бродила в дюнах или вдоль берега моря в поисках вдохновения для нового романа. Отец руководил строительно-реставрационными работами и никогда не возвращался раньше семи, а в последнее время и около десяти вечера. Все чаще случалось, что родители вообще не пересекались, а если и ужинали за одним столом, то не поднимая друг на друга глаз, молча, словно золотые рыбки в аквариуме. Вот почему Сара никогда не выйдет замуж. Она и сейчас не может вытерпеть парня больше

трех месяцев, а уж девятнадцать лет в одной банке...

«Дарящая вдохновение» торчала среди дюн Отийского залива, на самом юге Берк-сюр-Мер. Это название, «Дарящая вдохновение», Сара считала идиотским. Но именно на этой вилле – развалине, купленной за небольшие деньги десять лет назад и в то время носившей имя «Роза песков», – Лин, ее мать, тогда школьная учительница, написала свой первый, имевший успех роман. Сюда можно было добраться по разбитой асфальтовой дороге, проехав метров триста от полосатой красно-белой вышки наблюдающего за побережьем маяка. Дом в англо-нормандском стиле в некотором смысле отмечал границу между человеческой цивилизацией и царством природы. Единственными его гостями были немногочисленные чайки, стайками прилетавшие посидеть на черепичной крыше, постоянно обдуваемой ветром с песком. Сара ненавидела этот забивающийся в любую щель, хлещущий по стеклам, оседающий на машинах мерзкий песок.

Она сделала селфи – ее смеющиеся глаза напоминали два огромных синих озера – и послала матери, добавив сообщение: «Ушла бегать». Потом оставила телефон на столе в гостиной и заперла за собой дверь на ключ.

Юная спортсменка миновала сарай, где хранились парусные тележки, и, пройдя по тропинке через дюны, вышла на заасфальтированную дорожку, связывающую залив с эспланадой.

Летом там было не протолкнуться среди гуляющих, кото-

рые приезжали сюда, в основном чтобы полюбоваться на поселившуюся здесь с незапамятных времен колонию тюленей и нерп. Но сейчас, в половине шестого вечера 23 января 2014 года в темноте, с трудом пробиваемой светом редких фонарей, маячили лишь призраки торговцев вафлями да привидения воздушных змеев.

Холод Сару не беспокоил, но она ненавидела межсезонье и мечтала лишь об одном – поскорее покинуть Опаловый Берег. Эти городки на краю света, обескровленные добрую половину года, походили на прибрежные кладбища. Съжившиеся за металлическими ставнями рестораны и бары, жители, сидящие взаперти в своих четырех стенах, где они напиваются или простодохнут со скуки, пытаюсь согреться у камина. Настоящая богадельня. Ее родители – разумеется, главным образом мать, имеющая вполне приличный доход от переизданий, – собирались приобрести квартиру в самом центре Парижа. Обмен виллы среди дюн, в триста квадратных метров, на трехкомнатную квартиру на шестом этаже с видом на Эйфелеву башню Сару бы очень устроил. Впрочем, речь шла вовсе не о том, чтобы продать «Дарящую вдохновение», а всего лишь о возможности иметь пристанище в столице. Мать никогда не смогла бы сочинять свои истории про убийства и похищения, не имея перед глазами Северного моря. Между нею и ее домом существовала какая-то особая связь, как у старого моряка с его кораблем. Она была убеждена, что вилла приносит удачу.

Дурацкие писательские суеверия.

За полчаса Сара встретила лишь несколько теней, волочащихся за теньями своих собак. Усталые волны едва белели у дамбы. Берк относил в океанские пучины, словно тело мертвого кита. Когда мгlistый туман превратил ее лицо в ледышку, девушка решила повернуть обратно: стимул – это прекрасно, но она же не сумасшедшая...

Сара пробежала мимо флотского госпиталя – дивная декорация для фильма ужасов, миновала маяк, глянувший на нее своим единственным, как у циклопа, глазом. На площадке кемпинга, втиснувшись между лодочными ангарами и песчаными насыпями, все-таки стояли какие-то автомобили. Дрожащие за окнами домиков огоньки свидетельствовали о присутствии упрямцев, вопреки трескучим морозам обосновавшихся на побережье. Сара представляла себе, как они, в своих теплых пижамах, тупо пялятся в телевизоры или бесконечно перекидываются в картишки, собравшись вокруг бутылочки красного вина.

Чтобы попасть на побережье Отийского залива, бегунья ориентировалась на голубоватое освещение фонарей. Девушка преодолела трудную сотню метров по мокрому песку в скудном свете своего нарукавного фонарика и в конце концов в густом тумане различила тусклые огни виллы, некое биение жизни в этом песчаном аду. Несмотря на несколько слоев одежды, колючий западный ветер пробирал до костей. Сара уже предвкушала, как будет наслаждаться, лежа с на-

ушниками в горячей ванне и слушая «Нарру» Фаррела Уильямса.

Она взяла ключ на прежнем месте, вставила в замок. Но дверь оказалась не заперта.

– Мам, я вернулась!

Сара не заметила у себя за спиной тень, высоко занесшую над ней руку.

Сильный удар по голове. Боль.

И полная темнота.

Спустя полгода в ящике для писем виллы «Дарящая вдохновение» был обнаружен присланный по почте конверт с прядью, состоящей из пятисот двенадцати – ни больше ни меньше – волос. Полиция идентифицировала их как принадлежавшие Саре и связала событие с образом действий преступника, к настоящему времени совершившего четыре похищения и по-прежнему находящегося на свободе. Марка на конверте была погашена в Валансе, департамент Дром, в восьмистах километрах от виллы.

Лин и Жюлиан Морган больше никогда не видели дочери.

Спустя четыре года, декабрь 2017 г.

Едва отъехав от заправки, Квентин занялся лежавшим на приборной доске мобильником последней модели. Он попытался разблокировать его, но аппарат был защищен идентификатором отпечатка пальца. Он выключил телефон – еще не хватало, чтобы его обнаружили по геолокации, – бросил на пассажирское сиденье и повернул ручку радиоприемника. Вместо классической музыки, заполнив своей кислотой весь салон, с диска зазвучала песня рэпера Некфё «Nique les clones».

«Теперь я вижу одних только клонов, это началось еще в школе. На кого ты надеешься, чтобы выпутаться? Здесь все прикидываются, а сами мечтают о миллионе евро. Я же вырос, словно роза среди крапивы».

Роза среди крапивы. Именно так ощущал себя этот парень, непохожий на других, жаждущий вырваться из своей среды, страстно мечтающий сдать экзамены на механика, чтобы ремонтировать тачки. Он даже готов был жить под капотом «феррари», «порше», «Ауди R-8», потому что знал: ему никогда не сидеть за рулем таких тачек, как какому-нибудь богачу. Но город поймал его, обступил со всех сторон, поглотил, словно крапива, превратил в клон жулья. У него

и водительских прав-то не было. Нищета обхватила его, как спрут. Стоит оказаться в его щупальцах, измазаться его чернилами – и уже не вырвешься.

Квентин вытер потный лоб, расстегнул молнию на дутой куртке и глянул в зеркало заднего вида. На дороге никого. Только повороты, тьма и смутные очертания гор. Несмотря на то что он только что совершил, Квентин чувствовал себя хорошо, спокойно, независимо. Ему нравилось это ощущение края света, вдали от бетонных стен, шума, криков женщин, избиваемых соседями по лестничной площадке. Очень скоро он покинет все эти гранитные громады и вернется в Эшироль, к своей убогой жизни. И будет дрыхнуть круглые сутки, потягивать косячки, бесконечно торчать за игровой приставкой. Вот вся пьеса о его жалком существовании. В трех актах.

Он покосился на банкноты, валяющиеся на пассажирском сиденье под «береттой» и телефоном. Маловато, конечно, но в один прекрасный день у него на кармане будет полно бабок. И он тоже уедет, как его отец. Только по другой причине. Он погладил крестик, свисающий на золотой цепочке с зеркала заднего вида, и улыбнулся. Бог наблюдает за ним.

За крутым поворотом его встретил голубоватый свет проблесковых маячков. Фары выхватили из темноты размахивающего люминесцирующей палочкой человека в оранжевом жилете. На парковке вытянулся длинный большегруз, его обследовала бельгийская овчарка с проводником.

Французская таможня.

Квентин чертыхнулся. Сделав «дело», он специально свернул с автотрассы и, чтобы избежать подобных неприятностей, ехал по извилистым горным дорогам. Он притормозил. Какого черта эти козлы забыли здесь, посреди парка Шартрёз, да еще в такой час? Таможенники – настоящие сволочи, они не довольствуются проверкой документов, им непременно надо перерыть все снизу доверху и вдобавок запустить к вам в салон и багажник свою поганую ищейку. В какую-то долю секунды он решил было развернуться, однако, учитывая узость дороги, ограждение и овраг, ему потребовалась бы уйма времени, чтобы свалить. К тому же таможенник, разумеется, его увидел и махнул своим жезлом, приказывая припарковаться на обочине.

Выдохнуть, не теряться и соображать... Пять крепких мужиков, три «пежо», из них два триста восьмых с форсированным двигателем. Парень имел одно преимущество – неожиданность, и он принял решение; в любом случае выбора у него не было. Он сделал вид, что тормозит, а когда слухивый поравнялся с открытым окном со стороны водителя, Квентин вдавил в пол правую педаль. Он услышал, как таможенники закричали, и увидел, что двое из них бросились к машине.

Квентин мчался ради жизни, ради свободы. Десяток километров бешено крутых виражей до въезда в Гренобль. Никаких уловок, только гнать вперед и надеяться выжить в ас-

фальтовом аду. С его уже и так пухлым полицейским досье в случае задержания мало ему не покажется.

В каменной пустыне гор взвыла сирена. Квентин то ускорился, то резко тормозил, как в видеоигре. Те же ощущения, плюс билет в ад. В первый раз он едва не врезался в ограждение и чудом не рухнул в пропасть. Задние шины взвизгнули, машину занесло, но он справился с управлением. Квентин торжествующе вскрикнул, ему удалось оторваться от своих преследователей метров на пятьдесят. Молодец, совсем как его виртуальный пилот на круговой трассе Нюрбургринга².

Когда через три крутых поворота Старуха с косой проком-постировала ему билет, последняя мысль Квентина была о матери. Он не пристегнулся, и при столкновении автомобиля с бетонными блоками парапета верхнюю часть его тела через ветровое стекло выбросило на капот, а нижнюю придавило в салоне сработавшей подушкой безопасности. Машину занесло, в снопе искр она проехала еще десяток метров и уткнулась в край оврага. Мгновенный переход с тридцати километров в час до нуля был не столь резким, тонкая цепочка с крестиком так и осталась висеть на зеркале заднего вида, но Квентина окончательно вышвырнуло из автомобиля, и он упал с более чем сорокаметровой высоты. Первой о скалы разбилась его черепная коробка, от резкого удара лопнули внутренние органы. Сердце оторвалось от аорты, трес-

---

² *Нюрбургринг* – здесь: название гоночной трассы, находящейся в Германии. (Здесь и далее примеч. перев.)

нула одна почка.

Его восемнадцатилетняя жизнь, его воспоминания, смех и слезы – все исчезло меньше чем за секунду на безымянной горной дороге, между Шамбери и Греноблем. Автомобиль выжил, если не считать разлетевшихся в крошку стекла и продавленного левого бока.

Двадцать два года проработавший таможенным контролером водитель «Пежо-308» Марк Норез вызвал полицию и пожарных. Вечер обещал быть спокойным, а заканчивался кошмаром. До того как началась погоня, таможенник успел перед шлагбаумом разглядеть лицо беглеца. От его молодого тела остался только едва различимый, несмотря на мощный фонарь, крошечный силуэт без головы. Ну и наворотил же ты, парень! Почему пустился наутек? Чего боялся? Что делал в столь поздний час на этой пустынной дороге?

Норез минут пять поговорил с напарником, а потом двинулся вдоль ограждения к только что прибывшим коллегам. Из машины вышел проводник с овчаркой, и собака сразу проявила заметное возбуждение. Она стрелой бросилась к нетронутому багажнику и принялась лаять и скрести лапами краску. Один из офицеров, держа наготове оружие, нажал на кнопку и открыл багажник.

И тотчас отскочил, увидев труп женщины.

Без лица.

Нереально белый лунный свет, тьма, притаившаяся за деревьями, словно какая-то готовая наброситься рептилия, и черные зубцы далеких горных хребтов напомнили Вику Альтрану произведение Пьера Сейнтюрье. Офицер Криминальной полиции не был знаком ни с художником, ни с его творчеством. Просто года четыре назад, где-то, вероятнее всего, в одной из галерей Гренобля, он наткнулся на подписанный этим именем рисунок. Его мозг, подобно механический руке в музыкальном автомате, тотчас отправился на поиски информации и без какого-либо контроля со стороны Вика услужливо предложил ее сознанию.

Вик с самого раннего детства копил бесполезные воспоминания. Пять лет назад он больше трех месяцев держал первенство в еженедельной телевизионной игре, которую транслировали по каналу «France». Это сделало его звездой полицейской бригады, да и всего участка. В качестве приза он получил книги, словари и настольные игры примерно на десять тысяч евро. Вик так и не сумел расстаться со всеми этими призами, и теперь в гараже они занимали больше места, чем его машина. Он мог ответить на любой самый бессмысленный вопрос, например: «Назовите количество ходов в решающей партии между Карповым и Каспаровым, состоявшейся 9 ноября 1985 года в Москве». Или дать точное

определение слову «vinculum»³. Внезапное поражение сам Вик объяснял тем, что в тот день, наавтра после своего со- рокалетия, встречался с более сильным противником, однако большинство друзей и коллег знали, что его просто уто- мила телевизионная популярность и он предпочел вернуть- ся к жизни сыщика.

Полтора десятка человек в специальных халатах и плот- но прилегающих шапочках уже суетились на месте траге- дии. Пожарные, таможенники, служащие похоронной конто- ры, бригада научной полиции и коллеги из судебной поли- ции Гренобля, Этан Дюпюи и Жослен Манжматен. Поздоро- вавшись с каждым по имени, Вик заметил своего напарни- ка Вадима Мореля, который давал указания фотографу из службы криминалистического учета.

Морель плеснул ему крепкого кофе. Он всегда брал с со- бой термос, особенно когда от холода синели не только вер- хушки деревьев, но и кончики пальцев. Прихватив plasti- ковые стаканчики и поглубже засунув носы в шарфы, колле- ги направились к дорожному ограждению. Их прозвали «В + В» – издали их можно было спутать: темноволосые, ничем не примечательные мужчины среднего возраста. Правда, Вадим Морель своей наружностью очень напоминал одну игрушку, из-за чего и получил свою кличку – Мистер Картофельная Голова: толстые губы, оттопыренные уши и огромные гла- за, словно вырезанные из бумаги и прилепленные слишком

---

³ Латинское слово, имеющее как минимум восемь разных значений.

близко к носу блюда.

– Таможенники стояли в четырех километрах отсюда, перед Сент-Илером. Самый обычный контроль. Водитель на сером «форде» врезался в ограждение и оказался в овраге.

Вадим протянул Вику удостоверение личности. Квентин Роуз, восемнадцать лет, проживающий в Эшироле. Еще одно лицо, которое Вик включит в свой внутренний каталог. Вернув документ и глянув за ограждение, он среди тьмы различил внизу, в ярком свете, копошащихся, словно муравьи, криминалистов.

– Как они туда спустились?

– По тропинке, там, дальше.

Они подошли к машине с тонированными стеклами, правая передняя дверь которой была открыта.

Морель указал на предметы, лежащие в опечатанных пластиковых пакетах на сиденье.

– Валялись на полу с пассажирской стороны. Немного денег, «беретта» и мобильник с разбитым в хлам экраном. Но самое главное – в багажнике.

В багажнике потерпевшего аварию автомобиля находился женский труп, наполовину запеленутый в зеленый брезент. От сильного удара тело частично оказалось в салоне. Голова, повернутая к наружным галогенным светильникам, была засунута в прозрачный пластиковый пакет, перетянутый на уровне шеи широкой голубой резинкой. Красное, лишенное кожи лицо напоминало кипящую лаву, две орбиты словно бы

ждали, чтобы в них вставили глаза. Тут же, в глубине багажника, находились канистры с моющими средствами, хлорка, ведра, половые тряпки, лопата и два мешка негашеной извести.

Вик приподнял брезент. Кисти обеих рук отсутствовали – их отрезали. Запястья же были туго обтянуты полиэтиленовыми пакетами, скрепленными, в отличие от головы, скотчем, а не резинкой.

– Вот мерзость! Мог бы предупредить.

Вадим Морель приветственным жестом приподнял свой стаканчик.

– У тебя такой вид, будто ты не выспался. Развод?

– Натали хочет оставить себе Мам-Ам. Нет, ты представляешь? Собака моя, а она хочет добавить ее в бесконечный список того, что и так уже у меня украла. Прекрасный итог пятнадцатилетнего брака!

– Не хотелось бы играть словами, но дай им палец, они руку откусят. Кстати, о руках. Если ты ищешь кисти, они вон там, в углу.

Вик слегка передвинулся, чтобы не заслонять себе искусственное освещение. Вдоль правого крыла, возле места для домкрата, он заметил плотный мешок, тоже перетянутый скотчем. Что-то вроде термопакета для замороженных продуктов.

– Они вот так и были запакованы?

– Да, как есть. К ним никто не прикасался. К рукам и голо-

ве тоже. Запакованы плотно, как обычное мясо. Предусмотрительный тип, не хотел испакостить свою тачку.

– А где глаза, лицо?

– Неизвестно. Но уж точно не в машине.

Вик вытащил пакет из багажника и поднес к свету. Кисти, сложенные между собой ладонями, заканчивались пальцами воскового цвета. Лучевая и локтевая кости, несомненно, были перерублены. Морель вытащил из коробочки жевательную резинку и засунул в рот.

– Череп продавлен к затылку. Видимо, он ободрал лицо скальпелем, а глаза вытащил ложечкой, как в кино. Ну, ты тоже видел, про Ганнибала Лектора. Подумать только, ведь этому парню и двадцати не было!

Вик положил пакет на место и сосредоточился на трупe. Жертва – женщина с коротко подстриженными светлыми волосами, судя по всему, молодая. Но точно определить возраст невозможно из-за отсутствия кожи и глаз, к тому же кровь засохла и покрыла поверхность тела, точно остывшая магма. Наверное, лет двадцать. Наличие лопаты и негашеной извести, которая ускоряет разложение органических материалов, наводило на мысль о том, что Квентин Роуз предполагал закопать тело где-нибудь.

– При ней нет никаких документов?

– Ничего. Вскрытие произведут не раньше завтрашнего вечера, потому что судмедэксперты вот уже два дня завале-

ны работой после автобусной аварии в Шамрусе⁴. А про результаты анализов ДНК я предпочитаю вообще не думать... Получим лет через десять, если повезет.

– Ах, ну да, Шамрус.

Телефон Мореля зазвонил.

– Прости, это Пуарье. Я попросил пробить номерной знак. Хотя здесь без проволочек.

Он отошел, чтобы поговорить. Вик отхлебнул кофе, зажав стаканчик руками в грубых перчатках. Он размышлял о том, что ладони, так же как лицо и глаза, помогают установить личность. Отпечатки пальцев, цвет радужки, форма носа... судя по всему, преступник имел целью сделать молодую женщину безымянной. Предполагал ли Роуз избавиться от кистей в одном месте, а от всего остального где-то в другом? Куда он направлялся? Где бы он мог закопать свою жертву в этом беспорядочном скоплении лиственниц и сосен, чтобы не попасться на глаза случайному свидетелю?

Вик ненавидел начальный этап расследования: слишком уж много версий, отчего у него частенько случалась мигрень. Это дело, если немного повезет, могло бы закончиться, не успев начаться, потому что их главный подозреваемый – человек с фотографии на удостоверении личности – мертв. Одна загвоздка: поскольку он уже никогда не ответит на их вопросы, им придется сделать это самим.

Сыщик внимательно огляделся по сторонам, заметил

---

⁴ *Шамрус* — горнолыжный курорт.

вспышки щелкающих фотоаппаратов, растущие поодаль сосны, поворот дороги с расчерченным белыми полосами асфальтом, шефа бригады, беседующего с заместителем прокурора, которого тоже среди ночи вытащили из постели. Его память рисовала мрачную картину с невероятной точностью, ужас в реальном времени. Через час судебное ведомство выдаст разрешение вывезти тело, автомобиль отбуксируют, и начнется следствие – ровно за неделю до Рождества. Теоретически с пятницы у Вика отпуск. Первый его отпуск вдвоем с собакой, без дочери и жены, зато с повесткой в суд на 12 января, когда он и Натали будут вырывать друг у друга право присматривать за Корали. Не скажешь, что он выбрал удачный момент для вступления во вторую половину жизни.

Закончив говорить по телефону, Морель подбежал к своему шефу, а затем махнул Вику, чтобы тот следовал за ним.

– На заправке километрах в двадцати отсюда, на трассе А41 между Шамбери и Греноблем, произошел вооруженный налет. Около двадцати двух ноль-ноль. Сюда я приехал с шефом, так что берем твою тачку.

Они погрузились в автомобиль. Морель собрал на пассажирском месте кипу бумажек, пустые бутылки из-под кока-колы и перебросил все на заднее сиденье.

– Такой же бардак, как у тебя в башке. Да еще и псиной воняет. Когда ты наконец решишься навести здесь хоть какой-то порядок? Теперь я понимаю, почему ты не хочешь, чтобы я к тебе приехал. Без жены у тебя там, похоже, насто-

ящий Чернобыль.

– Оставь в покое мой дом, мою жену и мою собаку и скажи наконец, какое нам дело до вооруженного нападения на заправке, когда у нас на руках два трупа.

Чтобы пристегнуть ремень безопасности, Морелю пришлось приложить усилие. Он выплюнул жевательную резинку, вытащил из валяющейся в бардачке пачки мятную пастилку и, прежде чем сунуть в рот, внимательно изучил ее.

– Какой-то парень выскочил неизвестно откуда, стащил из кассы пару сотен евро и свалил в краденной тачке, напугав водителя, который ее как раз заправлял.

– Дай, догадаюсь. Квентин Роуз угнал серый «форд»?

– Ага, вместе с прилагающимся к нему трупом.

Когда около часу ночи В + В прибыли на автозаправочную станцию, там уже стояла машина жандармерии коммуны Ле-Туве. Сейчас это ничем не примечательное заведение с четырьмя колонками, закрытыми после нападения, мертвым паркингом и магазинчиком, освещенным тусклыми неоновыми лампами, нагоняло тоску.

Управляющий, усатый толстяк, выглядел спокойным и разговаривал по телефону за стойкой лавки. Двое полицейских подошли к жандармскому капитану Патрику Руссо, первым узнавшему о налете. Настоящий горец, упакованный в сине-белую парку, делающую еще шире его плечи драчуна, всегда готового с кем-то схлестнуться. Он поприветствовал коллег и обменялся с ними рукопожатием.

– Примерно с пол часа назад меня, без всяких комментариев, предупредили о скором прибытии двух парней из гренобльской Криминальной полиции. Может, объясните, в чем дело?

Вик едва доходил ему до подбородка, его худая ладонь буквально утонула в лапище жандарма. Пока Морель обозревал местность, он взял инициативу в свои руки.

– Нас вызвала таможня, преследовавшая «форд», пока он не влетел в заграждение на сорок седьмом километре трассы D30. Водителя, вашего предполагаемого налетчика, выбро-

сило из салона, и он разбился на дне оврага.

Стоявший со скрещенными на груди руками Патрик Руссо был невозмутим, как стена крематория. Он принадлежал к числу тех, кто полагал, что если на земле стало одним говнюком меньше, то это подарок человечеству.

Где-то в глубине лавки включился компрессор холодильника или морозильной камеры. Вик на мгновение прислушался к его урчанию, а потом продолжил:

– Нас привели сюда результаты проверки номерных знаков: серый «форд» с фальшивым номером JU-202-МО поздним вечером был объявлен здешним подразделением в угоне с этой заправки. В багажнике мы обнаружили труп неизвестной женщины лет двадцати. Учитывая степень повреждений, можно с уверенностью сказать, что она умерла еще до аварии.

– Теперь понятно. Это объясняет поведение владельца угнанного автомобиля. Он ушел пешком, не спросив сдачи. Мы располагаем видеозаписью. Пойдемте.

Он завел полицейских за прилавок. Вик не смог удержаться от соблазна и для сравнения взглянул на цены выставленных в витрине шоколадных батончиков: на шестнадцать центов дороже, чем в супермаркете напротив его дома. Он почувствовал, как его сознание ускользает в бредовые сопоставления, вовремя спохватился и обратил взгляд на экран компьютера. Жандарм щелкал мышкой, чтобы включить первый эпизод.

– Даже несмотря на отвратительное качество записи, можно получить четкое представление о том, что произошло. Изображение черно-белое, хотя любая цветная камера стоит меньше сотни евро. Вечно так, когда нам нужно видео, верно?

Морель молча кивнул.

– Короче. Сначала камера номер два на заправке. Двадцать один сорок две. Смотрите, налетчик выходит из этого грузовичка с пассажирской стороны. Нам удалось вовремя задержать водителя на пункте оплаты в Шамбери. Похоже, он вообще не при делах, говорит, что подобрал парня в зоне отдыха на трассе. Тот попросил подбросить его сюда, объяснив, что получил эсэмэс и якобы за ним должны приехать.

Глаз Вика сохранял каждый пиксель картинки. Квентин Роуз, в шапке, лицо скрыто шарфом, вот он отходит от грузовичка и неподвижно стоит в темном углу. Неподготовленный налет, решает полицейский: у парня не было конкретной цели, он напал в пустынном месте, ничем не рискуя. Жандарм указательным пальцем прикоснулся к экрану:

– Видите, он выжидает, ищет подходящий момент, чтобы действовать. Грузовичок уехал. Перехожу на камеру номер четыре, к самой далекой от магазина колонке. Спустя три минуты у ручной колонки останавливается серый «форд»...

Вик смотрел и запоминал параллельно два видео. Роуз как раз вошел в магазин, когда владелец «форда» в темной бейсболке покинул машину. Учитывая угол съемки, недостаточ-

ное освещение и тот факт, что на персонаже теплая зимняя одежда, трудно составить какое-то конкретное представление о нем. Только некая масса, укутанная в толстый пуховик. Человек хлопает дверцей, открывает бак, спокойно берется за шланг с пистолетом. Он смотрит по сторонам без малейших признаков волнения. Ни разу не поднимает глаза к камере наблюдения.

Морель переводил взгляд с одного видео на другое.

– Парень не из пугливых, хотя у него в багажнике труп с ободраным лицом. А что, разве в столь поздний час не положено сначала заплатить, а уж потом заправляться?

– С двадцати двух часов – при входе написано. Ровно через десять минут его освещенное, как рождественская елка, личико запечатлела бы камера в магазине.

Сейчас полицейские как раз смотрят запись с нее. Роуз, направив на продавца оружие, заставляет его открыть кассу. Меньше чем через тридцать секунд он засовывает в карман пачку банкнот, выходит из лавки и направляется к «форду». Незнакомец видит его, но слишком поздно: парень уже взял его на прицел и требует отойти от машины. Тот не двигается с места – похоже, собирается вести переговоры. Налетчик стреляет в землю. На сей раз хозяин «форда» отступает на два шага. По-прежнему угрожая ему оружием, Роуз закрывает крышку бензобака, впрыгивает в салон автомобиля и резко трогается с места. От неожиданности хозяин машины застывает на месте, но вскоре тоже исчезает из поля зрения

камеры. Жандарм останавливает запись.

– Похоже, он побежал в сторону, противоположную трассе. Справа от заправки несколько деревьев, за ними дикие заросли. Метрах в пятистах отсюда съезд с автотрассы, там полно деревень и дорог местного значения. Учитывая поведение владельца «форда» и тот факт, что он ехал с фальшивыми номерами, я не стал ждать вас и вызвал здешнюю жандармерию. Уже ночь, мало шансов, что они его обнаружат, но кто знает.

– Вы правильно сделали. Свидетели есть?

– На данный момент никого. Продавец после налета на кассу был в шоке и ничего не заметил. Я просмотрел видеоматериалы со всех камер. Это лучшие.

– Значит, лица у нас нет. И все же следует взглянуть на старые записи, сличить модели автомобилей. Может, наш парень прежде уже приезжал сюда заправляться с настоящими номерами.

Вик вместе с двумя другими мужчинами направился к колонке номер четыре. Жандарм указал на валяющийся на земле заправочный пистолет.

– Может, удастся снять с него пальчики?

– На записи видно, что он был в перчатках. А вот насчет ДНК не беспокойтесь, его следов полно в «форде».

Вик ушел в темноту и принялся вглядываться в огни вскарабкавшихся на горные склоны домов. Сотни мерцающих жизней, подвешенных в пространстве. Их парень исчез где-

то среди этих мириад звезд. Откуда он взялся с изуродованным трупом в багажнике и куда делся? Сыщик подумал о девушке с отрубленными кистями рук. Возможно, в одном из этих домов родители ждут вестей от дочери. Мать уже пыталась дозвониться до нее, отец связывался с ее подругами. Они больше никогда не увидят свою девочку.

Он вдруг осознал, что подсчитывает их, эти огни, что проклятый голос в его свихнувшемся мозгу непременно требует точного количества фонарей, горящих на трассе, начиная с заправки на выезде из Ле-Туве, департамент Изер, как если бы это была жизненно важная информация. У него в голове вертелись и другие цифры: например, евро тридцать пять за шоколадный батончик – на шестнадцать центов дороже, чем напротив его дома; замеченная им на дисплее четвертой колонки отметка «пятьдесят семь литров и тридцать три сантिलитра», часы работы магазина. И он будет помнить все эти цифры даже на смертном одре, возможно уже не зная, с чем они связаны. Одновременно он видел, что Морель оживленно беседует с жандармом – наверняка объясняет, что напарник у него, конечно, мужик странноватый, немногословный, но они уже десять лет работают в связке.

Вздохнув, Вик позвонил оставшемуся на месте аварии специалисту службы криминалистического учета и попросил, чтобы тот проверил, читается ли номер шасси – он должен быть спереди справа, под ветровым стеклом (для этой марки автомобиля, уточнил он), и, получив ответ, разъеди-

нился. Вернувшись назад, он обратился к своему коллеге:

– У тачки затерт серийный номер шасси.

– Предусмотрительный парень. Лица нет, фальшивые знаки, отсутствие серийного номера. И серый «форд», каких полно в этом регионе. Нелегко будет добраться до него через автомобиль.

Вик сунул руки в карманы.

– Зря он так старается со всеми этими предосторожностями, нынче ночью мы нагрянем в его мирок, и, надеюсь, наш визит станет ему лучшим подарком на Рождество.

– Ваши произведения часто затрагивают тему двойничества, присвоения чужой личности, памяти и воспоминаний. И «Последняя рукопись» не исключение. Возможно, это ваша самая резкая, самая жестокая книга, в ней вы беретесь за темы, способные ранить чувствительные души. пытки, незаконное лишение свободы, изнасилование. Своим романом вы хотите шокировать читателя?

Лин Морган совсем извертелась на стуле. Интервью длилось всего минут пятнадцать, а ей уже надоело. После четырех лет молчания Нила Мирора читатели буквально набросились на его новый триллер. Роман вышел в декабре и сразу попал в топ десяти бестселлеров. Теперь, чтобы обеспечить ему успешный рынок, интервью придется давать до самого Рождества.

– Я ничего специально не подсчитывала. Писала, как писалось. Да, разумеется, роман жестокий, но не думаете же вы, что мир, в котором мы живем, не таков?

Лин умолкла, и сидевшая за соседним столиком Памела, ее пресс-атташе, бросила на нее недовольный взгляд. Интервью было на вес золота: разворот в женском еженедельнике «Twin», издании, популярном у электората, который трудно завоевать. А выход очередного номера предполагался как раз перед праздниками. Журналистка Джеральдина Скор-

дель, поджав губы, что-то царапала у себя в блокноте. Лин строго соблюдала непростые правила интервью, но отказывалась от радио- и телевизионных записей. Она всегда требовала и непременно добивалась права прочесть статью перед публикацией, чтобы убедиться, что о ней говорят в мужском роде. И разумеется, никаких фотографий, никто не должен видеть ее лица. Если кому-то и было известно, что Нил Мирор и Лин Морган – это один человек, то широкая публика не знала, что виновник ее бессонных ночей – женщина. Романистке всегда удавалось держать под замком свою личную жизнь, даже когда ее буквально припирали к стенке.

– Как вы вкратце охарактеризуете свой роман?

– Вы его прочли?

– Я читаю все, о чем пишу. Но мне интересно ваше мнение.

Чтобы скрыть раздражение, Лин сделала глоток шардоне. Ей всегда нелегко давался разговор о своих книгах. Беседа велась в неизвестном кафе в Десятом округе Парижа, вдали от шикарных кварталов и более традиционных для подобных встреч мест. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы повторить то, что она уже говорила десятки раз.

– Это история Жюдит Модруа, ничем не примечательной женщины, простой учительницы, поддерживающей отношения с одиноким пожилым писателем, у которого было бурное прошлое. Теперь же он уединенно живет на огромной вилле на бретонском острове Бреа и уже много лет ничего

не публикует.

– Это Янус Арпажон...

– Верно, Арпажон. Он дает Жюдит прочесть свою пока не имеющую названия рукопись, о которой еще никому не рассказывал. Это мерзкая история изнасилований и убийств подростков, совершенных писателем по имени Кайяк Мёбиус.

Арпажону остается дописать еще десять страниц, а главное, открыть книжным сыщикам место захоронения жертв Кайяка. Жюдит считает сюжет романа вымыслом, она не знает, что на самом деле Арпажон описал свою собственную историю и что Кайяк – это он сам.

– Нечто вроде романизированной автобиографии.

– Скорее, длинная исповедь насильника и убийцы, ни разу не пойманного рецидивиста, который в преклонном возрасте принимает решение сделать полное признание в виде романа. И вот когда он сообщает, что собирается отправить рукопись своему давнему издателю, а уж потом сочинить концовку, Жюдит задумывает лишить его свободы и подвергнуть пыткам, чтобы он все-таки сперва завершил роман.

– Как в «Мизери» Стивена Кинга. Вы читали?

– Разумеется, и я понимаю, что многие станут сравнивать, как вы сейчас. Но моя трактовка не имеет ничего общего с романом Кинга. Это скорее дань уважения, нежели что-то иное.

– В книге есть места, которые особенно тяжело читать...

Например, ошеломляющая сцена изнасилования, некогда совершенного Арпажом. Кроме того, вы в подробностях описываете способ изготовления орудия пыток, использованного Жюдит, чтобы раздробить своему пленнику ступню, и даже приводите список материалов, которые легко приобрести в ближайшем магазине. Вы рассказываете, как при помощи хлорки свести следы ДНК, напоминаете, что негашеная известь позволяет закопать трупы, не оставив ни следов, ни запаха. Раскрываете некоторые методы полиции. Не бойтесь, что это может навредить работе настоящих сыщиков? Или что злонамеренные люди воспользуются идеями вашей книги?

– Вечный спор... Мы, авторы детективов, причастны к росту жестокости в мире, вы это хотите сказать? Неужели вы думаете, что люди, имеющие преступные намерения, только и ждут выхода моего романа, чтобы осуществить их? Что они воспользуются книгой как сборником рецептов? Тот, кто совершает убийство или изнасилование, действует импульсивно, из ненависти или гнева. Или же его поступок связан с чем-то, случившимся с ним в детстве. Роман является всего лишь поводом или стимулом, если хотите. Однако вернемся к моему сочинению. Мы ведь о нем говорим, верно?

– С удовольствием.

– Арпажон не уступает своей мучительнице и упорно не пишет концовки романа. Тогда выстрелом в голову из «зиг-зауэра», оружия сыщиков, Жюдит убивает его, а затем из-

бавляется от тела, используя метод самого Арпажона, описанный им в книге: негашеная известь, вырытая в лесу яма глубиной полтора метра... – Лин холодно улыбается и продолжает: – Да, знаю, это противоречит тому, что я только что вам сказала: будто злодеи не вдохновляются вымыслом. Как видите, это вымысел в вымысле, так что вымыслом он и остается.

– Понимаю.

– Короче, давайте дальше. Жюдит придумывает развязку, в которой указывается то самое место, где находятся жертвы.

– Она сама пишет окончание книги. С десятков страниц в рукописи, насчитывающей около пятисот.

– Да, она выкручивается, как может. Ей приходится делать выбор, принимать решения, каковые, вполне вероятно, не соответствуют замыслу автора, однако справляется с задачей, скорее, хорошо. И придумывает ироничное название «Последняя рукопись». А затем посылает книгу издателю, который тут же ее печатает.

– Великолепный обман издательства: опубликовать написанную другим и украденную у него книгу...

– Точно. Только вот в этой истории дело оборачивается против Жюдит. Разумеется, она упивается славой, пока к ней не приходит полиция. Только один человек знал, что описанные в книге убийства были совершены в действительности, – сам преступник. И Жюдит понимает, что Арпажон был настоящим серийным убийцей, что он описал собственную

жизнь. И что, лишив автора его книги, она заняла место преступника.

Почерк у журналистки был неразборчивый.

– И ловушка захлопывается. Прекрасная идея, закрученная концовка – очень удачная, должна признать.

– Спасибо.

– Это искренне. К тому же такое интересное погружение в вашу профессию. Вы, романистка, рассказываете историю писателя, Арпажона, который рассказывает историю писателя Кайяка Мёбиуса. И все связанные между собой персонажи страдают. Это в каком-то смысле напоминает проникновение в человеческую душу, в лабиринты сознания, в самые его глубины. Образ Кайяка Мёбиуса цельный, по-звериному жестокий, воплощение инстинкта жестокости. Фигура Арпажона тонкая, с нюансами, пронизанная страхами и навязчивыми идеями. Он немного похож на вас, верно?

– Не знаю... Я бы сказала... что иначе мне не о чем было бы писать... Мне необходимо, чтобы мои персонажи страдали. Когда я работаю, это как... вспышки. Как внезапные удары по темени.

Журналистка бросила взгляд на пресс-атташе и откашлялась, прежде чем заговорить.

– Есть ли в новом романе какая-то связь с вашим прошлым?

– У меня было нормальное счастливое детство, если вы об этом. Не следует вечно искать в прошлом писателей жуткие

истории про несчастных детишек или психопатов.

– Зачастую существует скрытая причина, заставляющая писать. Ну да ладно. Финальная сцена разворачивается на скалах Этрета, на мостках и скале Игла, которую вы называете Полая Игла. После Стивена Кинга дань уважения Морису Леблану?⁵

– Морису Леблану, Конан Дойлу, Агате Кристи... Дань уважения всей детективной, или, как говорят американцы, *whodunit*, литературе, которая «сделала свое дело». Только, пожалуйста, не рассказывайте в своей статье о концовке.

– Разумеется. Поговорим о другом. Когда, как я, имеешь связи с полицией, когда немножко интересуешься криминальными делами, несложно обнаружить общее в образе действий преступника из вашего романа и серийного убийцы Энди Джинсона, а уж в нем-то нет ничего виртуального.

Пальцы Лин судорожно впились в бокал.

– Возможно. Я и в реальности черпаю вдохновение. Ну и что?

Джеральдина Скордель отложила ручку, сняла очки и потерла глаза.

– Послушайте, я не собираюсь прибегать к уверткам. Из надежного источника я узнала, что одна из жертв Путешественника – некая Сара Морган, хотя убийца до сих пор не

---

⁵ «Игла» – одна из достопримечательностей Этрета, скала, в которой, по легенде, спрятаны сокровища французских королей. Эта легенда описана в детективе «Полая Игла» (фр. «L'Aiguille Creuse») Мориса Леблана, опубликованном в 1909 г.

сообщил о месте, где находится тело. Мне также известно, что суда над ним пока не было, что дело это заметное, и я не возьму на себя смелость говорить о нем в статье, если вы не изложите мне вашу версию событий. Я знаю, что вы предпочитаете сохранять анонимность, но только представьте: Нил Мирор на самом деле женщина, и она повествует о трагедии, которую пережила сама, – об исчезновении дочери четыре года назад и обо всем том, что за этим последовало, вплоть до задержания серийного убийцы Энди Джинсона через два года после совершения преступления.

Она повернулась к пресс-атташе.

– Это уже не двойной разворот. Я вам гарантирую статью на шесть страниц. Если вы примете наше предложение, мы поднимем все рейтинги: и ваши, и наши. Верная карта.

Когда журналистка перевела взгляд на Лин, та стояла уперевшись кулаками в стол.

– А обо мне вы подумали? Убирайтесь вон! Скажете хоть слово о моей личности или об этом деле, и я пришлю вам и вашему журналу повестку в суд по делу о клевете и посягательстве на частную жизнь.

Она надела пальто, подхватила сумку и, не обернувшись, стремительно вышла из кафе. Пэм поймала ее на тротуаре.

– Мне очень жаль, Лин. Вот уж не думала, что она коснется этой темы.

– Ты ведь к этому причастна, верно?

– Да никогда в жизни! Черт, неужели ты считаешь, что я

на такое способна? Ты же знаешь Скордель, она профи. Я все улажу, она ничего такого не скажет, если ты не хочешь. Но если...

Лин остановила такси.

– Вот именно, не хочу! И никаких «но если», Пэм! И речи быть не может. Не для того я десять лет скрывала, кто я на самом деле, чтобы теперь все разрушилось из-за такой мерзкой истории. Больше никогда не будем касаться этой темы. И точка.

– Как скажешь. А что насчет интервью для «Либерасьон» в восемнадцать двадцать?

– Нет.

– Мы не можем так поступать.

– Нет, можем. И случай с этой Скордель тому доказательство. Смотри, чтобы ничего не было предано огласке. Иначе я буду считать, что виновата ты.

Романистка села в машину, назвала водителю адрес и откинулась на спинку сиденья. Какой кошмар! В глубине души она ожидала чего-то подобного. Рано или поздно какая-нибудь лучше других осведомленная журналистка непременно коснулась бы этой темы. Успешная романистка, сочиняющая истории об изнасилованиях, убийствах и похищениях, сама проживает трагедии, которые описывает в своих книгах. Такой сюжет наверняка будет отлично продаваться.

Такси доставило Лин на авеню Президента Вильсона в Шестнадцатом округе, поблизости от Дворца Токио и Музея

современного искусства. Едва оказавшись в своих шестидесяти квадратных метрах, она механически включила радио и налила себе бокал белого вина. Она уже знала, что до заката выпьет еще два. Напиться было лучшим способом не бояться смертной пустоты ее вечеров. Она ненавидела приемы, коктейли, встречи, куда люди приходят, чтобы заявить о себе. Блеск и фальшь не привлекали ее. Даже эта квартира и Париж с его огнями казались ей чужими.

Несмотря на усталость, Лин зашла на свою страничку в «Фейсбуке». Нил Мирор, восемьдесят тысяч почитателей, в основном женщины. На фотографии профиля, которую ее издатель приобрел в банке изображений, Нил представлен коротко стриженным брюнетом лет сорока, вроде Клинта Иствуда. Лин была блондинкой с волнистыми волосами до плеч, изящным вздернутым носом и голубыми глазами, меняющими оттенок в зависимости от освещения.

Что касается незаконного присвоения личности, тут журналистка не ошиблась, но Лин было необходимо влезть в шкуру Нила, ощутить его принадлежность к мужскому полу, его уверенность в себе – как свои. Иногда в качестве Лин она испытывала необъяснимое беспокойство перед чистым листом бумаги. Часто с наступлением ночи нечто, похожее на крючковатую лапу, подбиралось изнутри к ее горлу, чтобы заткнуть его, лишить ее возможности дышать. Будто томящийся в ней Нил Мирор пытался выбраться наружу.

Она провела некоторое время в социальных сетях, среди

своих виртуальных друзей, потом закуталась в шерстяную шаль и с бокалом вина отправилась на террасу. Саре понравился бы вид на крыши столицы, мерцание огней Эйфелевой башни, серебристые отсветы на поверхности Сены. Сама же Лин ценила этот сумасшедший город только за то, что он не давал ей слишком глубоко задумываться. Париж, словно капли абсента на кусочке сахара, делал ее бесчувственной.

Зазвонил мобильник. Лин вздохнула, прочитав высветившееся имя: Колен Бершерон... Она не ответила сыщику и подумала о муже. Она здесь, он там, прилепившийся к Северному побережью, как мидия к своей скале. Они не общались почти два месяца, если не считать оставленного им позавчера на автоответчике сообщения. Он сказал, что обладает важной информацией. Она несколько раз пыталась перезвонить, но тщетно. Очень в его духе: забросить удочку и забыть о ней. Не погрузился ли Жюлиан в свою паранойю еще глубже? Неужели он все так же, несмотря на неопровержимые факты и доказательства, ищет труп дочери? Лин боялась момента, когда придется официально признать, что они расстались, и попросить развода. После полутора лет, что она живет в Париже, их уже и парой нельзя назвать. Еще одна печаль, с которой придется смириться. И все же в душе у нее по-прежнему теплился огонек. Этот огонек не угасал вот уже двадцать лет.

Сыщик тоже наговорил что-то на автоответчик, и она заставила себя прослушать его.

«Лин, это Колен. Извини, что беспокою так поздно, но на твоего мужа совершено нападение. Он в больнице, в Берке, больше я ничего пока не знаю. Перезвони мне, как только получишь это сообщение».

Иной раз, подъезжая зимой на машине к прибрежным городам на севере Франции, сталкиваешься со странным явлением: на вас в мгновение ока, словно нож гильотины, обрушивается туман. И тогда вы испытываете ощущение, будто выброшены в постапокалиптическую вселенную, где в любой момент к стеклу вашего автомобиля могут приникнуть какие-то чудовища, жаждущие уволочь вас в мутную ледяную пучину. Такой же липкий вечер, как нынче, отобрал у нее Сару. Вечер, когда оголовавшая тьма, заткнув кляпом рот ее дочери, увлекла ее девочку куда-то в самые сумрачные закоулки дюн.

От этих мыслей Лин покрылась гусиной кожей и поспешно заперла все двери. Дурацкий поступок, она и сама знала, но подобные страхи, столь же бессознательные, сколь и внезапные, отравляли ей жизнь еще с отрочества. Уродливые хари вертелись вокруг нее, десятки рук тревожили ее в ночных кошмарах, и она резко просыпалась. Это продолжалось до тридцати лет, когда она написала свои первые страницы и появился наконец Нил Мирор. Словно процесс письма сработал как отводной клапан. Она не хотела говорить о своих страхах с журналисткой. Сейчас, в этот самый миг, она видела, как из тумана возник автофургон и встал поперек дороги, а Энди Джинсон прижал свои узловатые ручки к стеклу ее

машины. Даже находясь в тюрьме, тот, кого прозвали Путешественником, словно тень следовал за ней, прячась в каждом дыхании, в каждом трепете ресниц. Он был ее буквой, ее наваждением.

Около часу ночи Лин примчалась в больницу, расположенную в чистом поле, в пяти километрах от Берк-сюр-Мер. Колен ждал ее на скамейке в холле приемного покоя. В небрежно накинутаой черной куртке и одной из своих вечных клетчатых рубашек. Огненно-рыжая прядь косо спадала на глаза, но не скрывала волевого и участливого взгляда. Он служил полицейским в городке, на который всем было плевать, но к своей работе относился сознательно и одинаково серьезно вел как самые банальные дела, так и те, что поинтереснее; правда, они случались редко и в основном попадали в более высокие судебные инстанции.

Увидев Лин, он вскочил, обуреваемый страстным желанием прижать молодую женщину к себе. Но ограничился тем, что подвел ее к автомату с напитками и сунул в него монетку в один евро. Колен заметил, как сильно она осунулась, как отяжелели ее веки. Ему показалось, что за два месяца она очень похудела.

– Жду вестей от доктора, он скоро выйдет. Угрозы жизни нет, однако... нападение было жестокое.

– Что произошло?

Сыщик протянул ей кофе с сахаром.

– Один прохожий около девятнадцати часов обнаружил

Жюлиана без сознания на променаде между заливом и дамбой со стороны маяка. Он лежал на земле. «Скорая» доставила его сюда. Твоего мужа ударили по голове и по шее – видимо, пытались задушить. Пока другой информации у меня нет. На нападение с целью ограбления не похоже: у него в кармане нашли бумажник, ключи от виллы и мобильный телефон. Кстати, нам даже известен его путь, в телефоне стоит приложение «Здоровье». Жюлиан как раз заканчивал начатую часом ранее пятикилометровую прогулку вдоль дамбы и собирался возвращаться домой.

Лин попыталась вникнуть. С каких это пор Жюлиан использует такое приложение? Он ненавидел все эти технологии, управляющие вашей жизнью и позволяющие вам худеть, лучше себя чувствовать, знать количество пройденных за день шагов. Он даже шутил, что в один прекрасный день люди научатся отправлять свои телефоны на пробежку вместо себя.

– Почему с ним так поступили?

– Не знаю, но у Жюлиана были не только друзья. Он действовал наперекор всему: правосудию, расследованию, свидетелям. Ты, разумеется, не знаешь, но еще трех недель не прошло с тех пор, как твоего мужа чуть было не упекли в вытрезвитель из-за его поведения в комиссариате. Жюлиан был пьян и как только нас не обзывал. Будь это кто-то другой, я бы его посадил.

– Он ищет тело Сары.

– Возможно. Но прошло уже четыре года, а он, как призрак, все бродит по улицам Берка. Его поиски превратились в бесплодные приставания и не оправдывают подобного поведения. Сыщики работают, что бы там ни думали.

– Пока Джинсон не укажет место, где закопано тело нашей дочери, Жюлиан будет продолжать разрушать все вокруг себя. И себя тоже.

Она уставилась в пустоту.

– Иди сюда...

Колен одной рукой обнял ее.

Ему показалось, что он прижимает к себе бесчувственный камень. Лин довольно грубо отстранилась и занялась своим кофе.

– Прости, Колен, но...

– Не надо. Я понимаю.

Бершерон тоже смутился и уставился на входную дверь, за которой сверкал проблесковый маячок пожарных или «скорой помощи», а потом вновь обратился к Лин:

– Я просмотрел список вызовов на его мобильнике и увидел, что вчера и позавчера ты несколько раз пыталась с ним связаться.

– Он оставил мне сообщение. Послушай.

Голос Жюлиана звучал низко и монотонно. Он говорил о какой-то важной информации, касающейся их дочери Сары.

– А потом ничего. На мои звонки он не ответил.

Колен записал информацию в блокнот, который постоян-

но таскал во внутреннем кармане куртки вместе с дешевой шариковой ручкой с обгрызенным колпачком. И сейчас он тоже стиснул его зубами.

— Три дня назад твоему мужу звонил отец и предупредил, что на праздники уезжает из Монпелье. Я прослушал это сообщение на мобильнике Жюлиана. Кстати, на период следствия его телефон останется у нас. А потом, пока ты была в дороге, я позвонил твоему свекру и рассказал о нападении. Завтра он будет здесь.

Лин кивнула. Полгода назад Жак Морган потерял жену: она покончила с собой, наглотавшись снотворного. Лин вообще не помнила свекровь счастливой. В глубине ее глаз постоянно мерцала чудовищная печаль, причины которой были неведомы не только Лин, но и Жюлиану. Вся ее жизнь проходила под действием алкоголя и антидепрессантов. Романистка много раз пыталась понять, как Жак это выносит.

Колен отвлек ее от воспоминаний:

— И раз уж мы доверяем друг другу, есть еще одна штука, о которой ты должна знать. Примерно два месяца назад Жюлиан рано утром позвонил в комиссариат, чтобы сообщить о краже со взломом.

Лин не донесла стаканчик с кофе до рта.

— О краже со взломом?

— Он решил не говорить тебе об этом и меня тоже попросил молчать. Не хотел, чтобы ты волновалась, поскольку знал, что у тебя скоро выходит книга и твоя голова будет за-

нята другим. Я приехал на виллу зафиксировать факт незаконного проникновения в жилище, но...

Казалось, Колен смущен. Лин не сводила с него глаз.

— ...в доме ничего не было перевернуто или выпотрошено. Жюлиан спал наверху и не слышал, как все происходило. Он сказал нам, что кто-то рылся в его вещах; он заметил, что документы лежат по-другому, что вор зашел в ванную комнату и украл самые обычные вещи: например, мыло и щетки для волос. И еще, что из книжного шкафа исчезли экземпляры твоих романов.

Лин казалось, что она участвует в последнем раунде матча по боксу и получает удар за ударом. Она бросила в мусорное ведро стаканчик с остатками кофе. От его металлического привкуса саднило горло.

— Бред. Мыло? Мои романы? С чего бы вдруг?

— К тому же нет никаких следов взлома. Жюлиан заверил нас, что запер все двери. Значит, вор, если таковой был, вошел со своим ключом.

— Думаешь, Жюлиан бредил?

— Накануне он пил, Лин. Как и за два дня до этого, и за три... В мусорном ведре мы обнаружили несколько пустых бутылок из-под алкоголя. Еще раз повторю: в последнее время его частенько подбирали возле дверей кафе. Мы не имели никакой возможности проверить то, что он нам рассказал. Щетки для волос, представляешь! А кому может понадобится красть твои книги, если они есть в библиотеках?

Зачем ради этого рисковать и вламываться к вам в дом? Я, разумеется, принял его заявление, но должен тебе признать-ся, положил его, как говорится, под сукно.

Лин вздрогнула. После исчезновения Сары Жюлиан очень изменился. Алкоголь, отчаяние, бесплодные поиски... Сколько раз, даже многие месяцы спустя, он обследовал километры дюн вдоль и поперек? Сколько прощупал квадратных километров морских глубин? Осталась ли в Берке хоть одна дверь, в которую он не постучался? Хоть один житель, который не читал бы напечатанных им листовок с портретом дочери? Как он мог жить в доме, где спустя полгода после исчезновения Сары они получили конверт с ее волосами? Где еще через полтора года они узнали, что их дочь была одной из жертв Энди Джинсона, зловещего Путешественника в автофургоне, который насиловал, убивал и закапывал своих жертв в лесу, а потом, будто этого ему было мало, посылал пряди их волос родителям?

Лин-то бежала из «Дарящей вдохновение». Она бежала от этих дней, исполненных бесконечных метаний в четырех стенах. От своих внезапно вернувшихся детских кошмаров – из-за них она снова страшно кричала по ночам. От долгих часов, проведенных перед дверью опустевшей комнаты дочери. От неспособности найти хоть какую-то идею для романа. От невозможности надеяться на новости в расследовании и от необходимости привыкнуть к мысли о похищении Сары. От ужаса, который теперь внушал ей собственный дом,

а главное – Джинсон. Она представляла, будто он притаился среди дюн, зарылся в песок и собирается проникнуть в ее жилище и спрятаться у нее под кроватью. Невидимое присутствие, пугающее ее, как Орля у Мопассана.

Лин уехала. А Жюлиан, уверенный, что в один прекрасный день Сара появится, отказался перебраться вместе с женой в парижскую квартиру, он хотел дожидаться возвращения дочери. Он сосредоточился на своих навязчивых идеях, не желал поверить, что Джинсон убил Сару, как и всех остальных, и закопал ее. Во всяком случае, не хотел верить до тех пор, пока собственными глазами не увидит ее тело. Теперь он работал, только чтобы выжить, пил, чтобы забыться, а в остальное время шарил по интернету, на разных форумах. Он распространил фотографии Сары во всех социальных сетях, в витринах магазинов и заправок. Он надеялся, что однажды кто-то наконец скажет ему: «Я ее видел» или «Я знаю, где она, у нее все в порядке». Самоубийство матери ничего не изменило в его жизни.

Когда Лин обосновалась в Париже, вдохновение вернулось к ней: она расскажет историю писателя-извращенца, насильника, убийцы, которого одна сумасшедшая запрет, чтобы он сочинил концовку своей книги. Еще не написав даже первой строчки, она уже придумала название: «Последняя рукопись». В конце года роман вошел в список бестселлеров.

Голос Колена вернул ее к действительности:

– Ты собираешься некоторое время пробыть в Берке?

– Да, я прихватила кое-какие вещи.

– А как же продвижение твоей книги?

– Она хорошо продается. Есть дела поважней.

По тому, как Колен посмотрел на нее, Лин поняла, что для него это, пожалуй, хорошая новость.

Появился лечащий врач Жюлиана, Ян Гжешковяк. Романистка давно его знала: вот уже несколько лет он снабжал ее материалами по проблемам памяти и отвечал на вопросы, касающиеся написания одной из ее книг. Он тепло пожал ей руку.

– Сейчас вашего мужа повезут на различные обследования, но, зная, что вы проделали долгий путь, я дам вам пять минут, чтобы повидаться с ним. Он выкарабкается.

– У него серьезные увечья?

– Физически все не так плохо. Перелома нет, но значительные травмы шеи спровоцировали внутренний отек в области горла, что может привести к потере голоса и затруднить общение с ним в течение нескольких дней. Впрочем, ничего непоправимого. Что касается черепной коробки – нашей главной заботы, то мы не обнаружили ни ушибов, ни гематом. Его словесные и двигательные реакции носят, скорей, обнадеживающий характер. В ближайшее время мы проведем еще кое-какие обследования, чтобы убедиться в отсутствии церебральных нарушений. Все-таки после нападения он потерял сознание.

Колен достал блокнот.

– На него напали сзади?

– Думаю, да. По моему мнению, его пытались задушить, потом ударили по голове сверху. Кожный покров волосистой части головы не поврежден, площадь ушиба – примерно два-три сантиметра, следовательно, удар был нанесен тупым предметом, чем-то вроде бейсбольной биты.

Каждое его слово буквально хлестало Лин. Она страшно злилась на себя, представляя, как оставленный ею в одиночестве муж лежит без сознания на земле, пока она потягивает белое вино по тридцать евро за бутылку. Почему она, прослушав его сообщение на автоответчике, сразу не отправилась в путь, еще два дня назад? Почему не почувствовала в его голосе срочность, опасность, которая, возможно, уже витала вокруг него? Что он собирался рассказать ей об их дочери?

Они свернули в коридор. Прежде чем войти в палату номер двести двадцать два, Лин инстинктивно стиснула кулаки. Жюлиан в белой пижаме и с перебинтованной головой неподвижно лежал под капельницей, глядя в потолок. Но когда она вошла, перевел взгляд на нее. Его правый глаз опух и был налит кровью из лопнувших сосудов. Волосы ему коротко остригли.

В душе Лин бушевало адское пламя. Она стояла не просто у постели некоего пациента, но перед собственным мужем, отцом Сары, мужчиной, с которым она провела почти полжизни. Перед человеком, который претерпел от ее навяз-

чивых состояний больше, чем она сама: когда она неделями напролет не выходила из спальни, заиклившись на своих мыслях, не разговаривала, не смеялась. Перед тем, кто потом, день за днем, постепенно отдалялся от нее. Лин бросилась к Жюлиану и тыльной стороной ладони погладила его по щеке. Пальцы ее дрожали.

– Видишь, я здесь.

Он внимательно посмотрел на нее – в глубине его глаз таился явный страх – и ломким голосом, который она едва узнала, произнес:

– Кто вы?

Среди ста двадцати семи жертв, которых Вику довелось видеть в прозекторской, было семьдесят два мужчины, сорок три женщины, одиннадцать детей и один новорожденный. Груды статистических данных, включающих также количество утонувших, сгоревших, пострадавших в результате несчастного случая, блондинов, брюнетов, лысых, загромаждали его мозг. Он помнил погодные условия, адрес каждой жертвы, место и дату обнаружения тела, его вес, рост, а самое ужасное – лицо. Он хранил в памяти патологическую коллекцию выколотых глаз, сломанных носов, искромсанных зеленоватых, голубоватых или попросту серых щек. Это не делало его ни несчастным, ни безумным, ни одержимым, а только превращало в набитый уголовными делами старый шкаф.

Вик страдал гипермнезией, сверхъестественной способностью запоминать, а точнее, неспособностью хоть что-то забыть. Это необыкновенное свойство поначалу было его козырем. В раннем детстве он читал, писал, выучивал наизусть и считал гораздо быстрее любого ребенка своего возраста. Однако губка его мозга, поначалу абсолютно сухая, очень быстро разбухла. Осознав его невероятные возможности, родители стали водить ребенка в шахматный и астрономический кружки, учить игре на скрипке и фортепиано, а также

отдали в школу для особо одаренных детей. Они подписали его на десятки научных, исторических и географических журналов, на Рождество дарили ему словари и в своем воображении с удовольствием представляли сына видным ученым, нобелевским лауреатом по физике, гениальным пианистом...

А Вик мечтал играть в футбол и в прятки, бегать со сверстниками. Но ему не оставили на это времени. В двенадцать лет он мог назвать тысячу четыреста десятичных знаков числа «пи» после запятой и одержал победу в первом же конкурсе на запоминание среди ожесточенных взрослых, которые видели в нем прежде всего соперника, а не того, кем он тогда был, – ребенка.

И все пошло кувырком, особенно в отрочестве. Он возненавидел уроки, не мог спокойно смотреть на шахматную фигуру, изображенную на картине, и вбил себе в голову, что знает величину квадратного корня из двух более точно, чем показывает калькулятор. Он играл Моцарта, Шуберта и Вивальди, не умея читать ноты, – просто по памяти. Жажда знаний иссякала, в мозгу не хватало места, кислорода, у Вика уже накопилось воспоминаний больше, чем у кого-либо к концу жизни. Его обожали – всем было лестно иметь друга, способного меньше чем за минуту запомнить расклад колоды из пятидесяти двух карт, – но еще больше его ненавидели. Он никогда не знал нормального состояния, равновесия. В ускоренном режиме он пережил свои первые влюбленности,

узнал, как соблазнять, волновать, куда лучше целить, чтобы возбудить. Он угадывал ложь – разные ответы на одни и те же вопросы с интервалом в несколько месяцев. Если бы жизнь состояла из суммы наших личных воспоминаний, Вик имел бы много жизней. Или ни одной.

В армии он полюбил женщину, которая была старше его. Физические упражнения, дисциплина, владение оружием, одинаковая форма у всех, общение на равных с товарищами, которые ничего о нем не знали. Маршировка в лютый мороз и по грязи, разбитые в кровь ноги. Удары, полученные на ринге. Это стало откровением. Он не будет ученым-астрофизиком, он станет служить своей стране, вольется в серую массу людей в форме. В казарме ему рассказали о профессии сыщика, и он быстро сделал свой выбор. Энциклопедическая память поможет ему принимать решения в ходе следствия, ловить преступников.

Спустя три года Вик окончил школу полиции в Канн-Эк-люз, получил звание лейтенанта и выбрал распределение в Гренобль, где он вырос. Еще через год родители переехали и не сочли нужным присутствовать на его свадьбе. Они поставили крест на своем сыне, и «ничтожество» стало последним словом, услышанным Виком от матери. Спустя годы он согласился принять участие в телевизионной передаче, посвященной загадкам памяти, надеясь, что отец с матерью увидят ее, преисполнятся гордости за сына и восстановят с ним отношения. Однако, несмотря на восемьдесят три победы под-

ряд, одержанные ко дню своего сорокалетия, Вик так и не дождался телефонного звонка от родителей. Следующую партию он проиграл и вернулся к своим трупам.

И вот сегодня сто двадцать восьмой покойник, вытасканный из холодильника более чем через сутки после обнаружения в багажнике автомобиля, поджидал Вика на стальном столе под слишком резким светом бестеневой лампы.

Офелия Эр, один из судмедэкспертов Института судебно-медицинской экспертизы Гренобля, уже трудилась над трупом, когда около часу ночи в приемной появились В + В. Не лучшее время проводить вскрытие, но об автобусной аварии в Шамрусе сообщили в средствах массовой информации и на самый верх государственной власти. Автобус сгорел дотла, вместе с пассажирами. Руководство страны потребовало, чтобы обследование пятидесяти двух тел – аутопсия, пробы ДНК – производили в первую очередь, отложив все остальные дела.

Нос Эр был закрыт бумажной маской.

– Я начала без вас. Взвесила, побрила, приступила к вскрытию черепа. Простите, но это мой седьмой клиент с восьми утра, и мне просто жутко хочется спать. А насчет аутопсии того типа, что разбился на скалах, могу сказать, что до него очередь дойдет не раньше чем через два-три дня. Еще полно работы с шамрусским автобусом.

– С этим парнем все не так срочно. Мы знаем, что с ним случилось: он просто угнал неправильную тачку.

Так что Роуз еще полежит на холодке в своем ящике. Сыщики описали и сдали его вещи: деньги, «беретту», найденный в салоне мобильник и еще другой, обнаруженный в кармане куртки. Все тут же было положено в опечатанные контейнеры и убрано в шкаф в помещении бригады. В данный момент Роуз следователей не интересовал, их внимание было сосредоточено на жертве из багажника и поисках неизвестного с заправки.

– Вот и хорошо. Итак, рассказываю. У нас покойник женского пола, белой расы, рост приблизительно метр семьдесят, вес около пятидесяти восьми килограммов. Натуральная блондинка, волосы короткие. Приблизительно лет двадцати. Антропологическая экспертиза, конечно, определит более точно. Одета в простые трусы и грязную белую майку. Ничего характерного, что помогло бы ее идентифицировать: ни татуировки, ни пирсинга. Серьги вынуты недавно, дырки в ушах не заросли. Серьезный перелом черепа сзади, ее ударили тяжелым перфорирующим предметом, вроде молотка, что вызвало кровоизлияние. Кожа с лица снята по всей поверхности. Вот здесь видны следы разреза. Видимо, преступник работал скальпелем и очертил вокруг лица овал – через лоб, по вискам и подбородку, а потом потянул, я так делаю при вскрытии... Глаза же были вынуты особенно умело: произведено их удаление, глазное яблоко срезано одним движением.

Скривившись, Вик подошел поближе. Череп был обрит и

вскрыт, его свод был расколот в том месте, куда пришелся удар. Вик поискал мозг и обнаружил его уже лежащим на весах. В сторонке он увидел отрубленные кисти – два обыкновенных беловатых паука, словно готовых прыгнуть на вас. Он вернулся к трупу:

– Половые сношения?

– Скажу через полчаса. Вот здесь, на предплечье, где были отрублены кисти, видны следы связывания. Я также подготовила несколько образцов для отправки в токсикологическую лабораторию. Волосы, ногти, стекловидное тело. Возможно, это позволит нам больше узнать о режиме питания жертвы в последние недели и наличии или отсутствии в ее организме медикаментов или наркотиков. Но и тут придется подождать – с недельку, я полагаю. С этим Шамрусом лаборатория сильно перегружена.

Вадим стоял не шевелясь, засунув руки в карманы. Вик почувствовал, что замерз сильнее, чем на улице. Он ненавидел вскрытия, да и кто станет уверять, что любит их? Вдобавок молодая жертва была не намного старше их дочерей. На ее месте могли бы оказаться шестнадцатилетние Корали и Элен.

Вик тотчас отогнал от себя эту невыносимую мысль и по лицу напарника догадался, что тот тоже об этом подумал.

Судмедэксперт подвела их к кистям и указала на след синих чернил вокруг запястий, как раз на уровне отреза.

– Похоже, он начертил эти круги, чтобы отрезать как мож-

но точнее. И не отступил ни на миллиметр. – Она провела пальцем по длинному шраму на тыльной стороне правой кисти. – Вот старая рана, думаю, очень давняя. Отправлю все это анапатологу, он сможет сказать об этом больше.

Они опять вернулись к трупу. Судмедэксперт сделала разрез в форме буквы «Y». Вик размышлял о том, каким надо быть психом, чтобы содрать кожу с лица, изувечить и измучить человека таким образом. В его воображении возник тот тип в бейсболке, укутанный в толстый пуховик, такой спокойный на заправке. Именно обыденность облика и поведения делает поимку этих хищников столь сложной. Взять, к примеру, Энди Джинсона – он мог бы быть соседом, другом, любовником и чудненько вести двойную жизнь. Днем рабочий, ночью палач.

Когда Офелия раздвинула широкие полотнища тканей, покрывающих грудную клетку и ребра, в нос Вику ударил, казалось, запах всей тухлятины мира. В этом трупы слегка напоминают виски – этот напиток тоже способен выделять различные запахи в зависимости от своей древности, условий, при которых он старился, влажности воздуха... Вик отступил, чтобы не мешать судмедэксперту действовать. Глядя, как эта женщина управляет с инструментами и перемещается от прозекторского стола к лабораторному, он представлял ее дирижером оркестра смерти, по воле которого органы поют, а сухожилия вибрируют, подобно скрипичному смычку. Эр задержалась на гениталиях, которые она взве-

сила, а теперь препарировала. И подтвердила наличие смазки, вроде той, что используется на презервативах. «То есть мы калечим, но для себя принимаем меры предосторожности», – с ужасом подумал Вик. Характерно для дисциплинированных убийц, тех, кто способен сдержать себя, несмотря на мощное возбуждение и желание убить.

Закончив обследование, Офелия Эр тщательно зашила пустую оболочку из плоти, которая вскоре окажется в подвижном ящике и, возможно, будет находиться там долгие годы в ожидании идентификации, если анализ ДНК не даст результатов. Вик смотрел на обрубки предплечий. Зачем надо было вот так обрезать их и отделять кисти рук от тела? В сомнении он принялся вышагивать между прозекторским и лабораторным столами: его внезапно настигло ощущение, что тут что-то не так.

– У вас есть метр?

Судмедэксперт протянула ему гибкую ленту.

– Знаешь, что такое «*misdirection*»?⁶

Она подняла брови.

– Прием иллюзиониста, заключающийся в том, чтобы, производя какое-то действие, сконцентрировать внимание зрителя на конкретной, но совершенно посторонней детали. Это работает, потому что человеку сложно с точностью интерпретировать весь спектр получаемых им сигналов. Мне

---

⁶ Неправильное указание, руководство, неправильный курс, направление (*англ.*).

кажется, что...

Вик измерил диаметр левой ампутированной конечности, затем ее окружность, потом сделал то же самое с запястьями отрезанных кистей. И с ужасом уставился на судмедэксперта.

– ...именно с этим мы здесь и имеем дело. *Misdirection*. Мы все осмотрели тело, мы логично приобщили к нему кисти рук, не обратив внимания на то, что... Это не наша вина... это... это наш мозг нас подвел...

Вик взял обрубленные кисти.

– Если мы посмотрим как следует, то заметим, что они не такого размера, как обрубки запястий, разница больше сантиметра...

Он расположил кисти максимально близко к предплечьям. Эр резко сорвала с лица бумажную маску. Она вдруг поняла, к чему клонит Вик.

– Проклятье! Это не ее!

Слева своими перламутровыми глазами на Вика пристально смотрела статуя, напоминающая греческого бога. В сторонке щерилось чучело кабана со шкурой, запятнанной человеческой кровью, и прикрепленным к правому боку гигантским колесом от грузовика с впившимися в резину осколками костей. Чуть дальше стояли разбитые мотоциклы, искореженные велосипеды, запакованные произведения искусства – охраняемые, пронумерованные при помощи желтых этикеток. В запахе воска, пыли, холодного металла смерть исходила от каждого предмета.

Покинув Институт судмедэкспертизы и буквально на секунду заскочив к коллегам, Вик решил остаток ночи провести в одиночестве, в хранилище опечатанных вещдоков судебной полиции – крупногабаритных предметов, которые не помещались в конверты, коробки или мешки. Каждой, заслуживающей внимания вещи, какого бы размера она ни была, по меньшей мере в течение полугода после вынесения судебного решения полагалось находиться в надежном месте. Это хранилище было в каком-то смысле расширением мозга Вика: памятью уголовных дел.

Поначалу ночной охранник удивился столь позднему визиту, однако впустил его. Вику нравилось работать в связке с Морелем, но он испытывал потребность построить соб-

ственную цепочку, особенно в четыре часа утра. Его частенько упрекали за одиночные вылазки, за необычное для сыщика пристрастие к затворничеству, но такая обособленность была ему необходима. Тишина, никто не зудит над ухом и не обременяет его память. Вдобавок возможность остаться здесь избавляла его от необходимости тащиться спать в свою конуру.

В ярком свете неоновых ламп он направился к автомобилю, который два дня назад врезался в дорожное ограждение, спровоцировав смерть Квентина Роуза и открыв двери в ад, таящийся в глубине багажника. «Форд» поместили возле правой стенки, в десятке метров от входа, и бригада криминалистов уже подвергла его тщательному осмотру.

Вик прочитал их рапорт: парни из службы криминалистического учета взяли на анализ ворсинку с водительского сиденья и обнаружили на руле, ткани сиденья и внутренней ручке двери следы спермы. Так что в лабораториях имелся генетический материал мужчины в бейсболке. Их начальник, Ален Мандзато, форсировал работы, чтобы как можно скорее получить результаты анализов ДНК.

Багажник был девственно-чист, разве что в некоторых местах слегка забрызган белой краской. Криминалисты обнаружили следы крови на влажных половых тряпках и в ведрах. Сыщик вспомнил о наличии моющих средств и хлорки. По всей видимости, их клиент делал уборку, возможно на месте преступления, и старался не оставить никаких следов.

А присутствие негашеной извести и лопаты свидетельствовало о том, что он предполагал закопать тело. Ишь ты, какой аккуратист. Лейтенант задумался, опершись обеими руками о задний бампер. Он все еще пребывал в шоке от своего открытия, сделанного два часа назад на вскрытии.

Чужие запакованные кисти рук в отделении для домкрата свидетельствовали о вероятном наличии второй жертвы. Еще одной девушки, безымянной, существующей лишь в виде этих отсеченных конечностей, не имеющей ни лица, ни роста, ни цвета волос. Две кисти, вырванные из небытия и меняющие условия задачи: выходит, их клиент убил и изувечил как минимум два раза. Были ли эти жертвы первыми? Есть ли другие? Учитывая столь необычные детали, не имеют ли они дело с жуткой серией? Существует ли другой Энди Джинсон, который тоже закапывает своих жертв, предварительно изнасиловав их и убив?

Выходит, у Путешественника появились последователи?

Вик не испытывал никакого раздражения, только отвращение и страдание от собственной беспомощности. Даже если они в конце концов найдут преступника, уже ничто не сможет вернуть жертв их близким.

Прежде всего Вик внимательно обследовал номерные знаки. Искореженные, грязные, старые; зато заклепки новые. Он провел по ним пальцем, и на нем остались мельчайшие частички железа, как сзади, так и спереди. Эти опилки были результатом сверления, единственного способа без повре-

ждений снять автономера. По мнению Вика, убийца попеременно менял фальшивые и подлинные знаки. Это подтверждали мелкие вмятины и царапины на пластике бампера и вокруг заклепок. В обычное время неизвестный с заправки ездил по правилам, в своей неприметной машине распространенной модели. Хорошее состояние покрышек свидетельствовало о регулярном уходе. Водитель не хотел никаких осложнений с органами правопорядка. Средний обыватель.

Вик обошел разбитый автомобиль слева, устроился на пассажирском сиденье и захлопнул дверцу. Он совершенно закоченел. Прямо перед ним высилась смутно напоминающая работы Джакомоетти бронзовая скульптура с торчащими ребрами и плоским лицом. То, что она буквально уставилась на него, смутило сыщика и вернуло его к действительности: в полном одиночестве он забился в искореженный салон на складе, пытаясь отдалить момент возвращения домой, где его не ждет ни жена, ни дочь.

Вик внимательно осмотрел салон. Автомобили могут многое рассказать о своих хозяевах. Если принадлежащий Вику свидетельствовал о хаосе, царящем у него в голове и в жизни, то этот буквально дышал порядком. Кстати, парни из научной полиции не обнаружили ни обрезков ногтей, ни волос, ни раздавленных окурков, ни жевательной резинки. Пепельница пуста, так же как и боковые карманы. В бардачке алкотестер, еще не распакованный оранжевый жилет и знак

аварийной остановки. Пассажирское сиденье новое, спинка и подголовник неизношенные и незасаленные. Ни обертки от конфет, ни упаковки из-под печенья. Задние ремни безопасности, заблокированные под сиденьями, никогда не использовались. Никаких детей.

Зато криминалисты обнаружили на руле следы растворителя – вроде того, каким протирают руки, чтобы очистить их. И так же как в багажнике, микроскопические следы белой краски на дверных ручках. Кроме того, между педалями они нашли чек оплаты дорожной пошлины: судя по нему, клиент выехал на автотрассу в районе Шамбери в 21:25, за двадцать минут до того, как оказался на заправке. Значит, ехал он осторожно, со средней скоростью сто двадцать пять километров в час.

Вик сфотографировал мобильником крест, свисающий на золотой цепочке с зеркала заднего вида, и подумал о следах спермы, выявленных на сиденье при свете специальной лампы. Он представил себе водителя, мастурбирующего перед Иисусом. Парень излил семя в машине – возможно, на виду у своих жертв? Или мечтая о том, как вечером, после работы, он найдет их и подвергнет пыткам? Это объясняло наличие тонированных стекол: наблюдать, оставаясь невидимым, и иметь возможность предаваться своим мерзким забавам. Такие заключения привели Вика к мысли о сексуальном хищнике. О настоящей машине, существующей для того, чтобы похищать, насиловать и убивать, подонке, каких в

мире тысячи.

Вик прочел уйму сочинений по криминалистике, он наизусть знал дело Джинсона, которое вела лионская бригада; ему было известно, что преступника такого типа, организованного и живущего по плану, поймать труднее всего, потому что он растворяется в толпе. Но, оказавшись в одиночестве, когда возбуждение нарастает, такие люди превращаются в машину для убийства. Путешественник действовал подобным образом больше двух лет, пока не допустил промах и не попался в сети лионских коллег Вика.

Зачем владелец этого автомобиля отрубает кисти рук и вынимает глаза? Что он делает с лицом? Возможно, он фетишист? Или коллекционер?

Вик повернул ключ зажигания. В проигрывателе завертелся диск. Салон заполнила музыка; Моцарт. Вик прикрыл глаза и мысленно представил себе правую руку пианиста; ее мелодию поддерживала изящная скрипичная партия. Как и крест, эта странная утонченность удивила его: фортепианный концерт номер 22, третья часть – одно из самых малоизвестных произведений композитора.

Может, он имеет дело с ценителем? Впрочем, колонки и аудиосистема не лучшего качества и не соответствуют запросам меломана. Вик ненавидел, когда что-нибудь не клеилось. Похоже, теперь мозг его будет всю ночь работать без передышки.

Он увеличил звук, уставился на подделку под Джакомет-

ти, а струнные тем временем заполнили все пространство склада. Включал ли владелец машины классическую музыку на полную громкость? Тут его сознание пронзила мысль: возможно, убийца загрузил тело и обрубки рук в багажник, тронулся с места и сразу вставил диск в проигрыватель?

Вик поискал футляр от CD, но не нашел. Скорее всего, при ударе коробку выбросило из машины, или убийца оставил ее дома. Он поставил диск с начала и хронометрировал продолжительность звучания до *allegro vivace assai* фортепианного концерта номер 22. Приблизительно сорок две минуты.

Сорок две минуты... Судя по отметке на чеке пункта оплаты Шамбери, ему потребовалось двадцать минут, чтобы добраться до заправки. Оставалось двадцать две минуты. Если теория Вика верна и если Роуз выключил диск сразу после угона тачки, значит их клиент ехал из ближних окрестностей Шамбери, возможно из какого-нибудь горного захолустья. Выходит, он местный.

Вик счел, что автомобиль открыл ему свои тайны. Полиция располагала ДНК убийцы, его обликом в основных чертах, его машиной и представляла себе его путь прошлой ночью. Если их клиент умен – а Вик в этом не сомневался, – то он все это знает, пусть даже из газет: в них говорилось об аварии Роуза и обнаружении трупа в багажнике.

И это превращало его в загнанного и опасного хищника. Поблагодарив охранника, полицейский покинул хранили-

ще и направился в торговую зону, расположенную в четверти часа езды от Гренобля. Красные и синие огни вывесок растекались по асфальту цветными лужицами, словно упавшие с неба кусочки северного сияния. Улицы и магазины выглядели всего лишь блеклыми картинками. Людям, если они хотели свести счеты с жизнью, не надо было прыгать с мостов – им достаточно было провести ночь здесь.

Вик оставил машину на паркинге отеля и вошел в заурядное здание в стиле «Формулы-1» двухтысячных годов. Увидев его, соломенно-рыжий портье с замашками английского лорда вздохнул и выложил на стойку ключ от номера и конверт.

– Вечером заезжала ваша жена и оставила это вам. Она была в ярости.

Вик вспыхнул. Выходит, Натали известно, что он ночует в этом жалком отеле с общими душевыми и туалетами; двадцать два евро в сутки, завтрак включен. Интересно, давно ли она в курсе? Как она узнала? С внезапной тревогой он взглянул на служащего, призывая его продолжать.

– Она спрашивала про собаку. Я сказал, что не знаю... Короче, не беспокойтесь, собака по-прежнему в своей конуре, надежно спрятана у меня в саду. Кстати, сухой корм... мне пришлось купить упаковку... это дороговато, а...

Вик схватился за голову:

– Да-да, знаю, я опять забыл, я... – Он вытащил двадцать евро и положил на стойку. – Спасибо, Ромуальд.

Он взял ключ и конверт, который вскрыл, только свернув в коридоре за угол. Внутри оказался листок бумаги, на котором заглавными буквами было написано: «НИЧТОЖЕСТВО».

Почувствовав на своем плече чью-то руку, Лин вздрогнула. Она очнулась от дремоты и посмотрела по сторонам. Рядом стоял Колен с белым как мел, усталым лицом. Справа от нее спал глубоким сном Жюлиан. Назойливые сигналы разных приборов, голубоватые тени в палате, морозные звездочки на окнах... Эта паршивая история с нападением – еще один кошмар ее жизни. Скривившись, она помассировала затылок.

– Который час?

– Семь утра.

Полицейский поднял с пола фотокарточку и протянул ее Лин. Значит, она уснула с фотографией дочери в руках. С памятного глянцевого снимка ей улыбалась Сара в спортивном костюме и натянутой на лоб шерстяной шапочке в сине-зеленую полоску с большим помпоном. Она растопырила пальцы, изображая знак победы, «V». Это была ее последняя фотография, которую тогда еще живая дочь отправила в день своего исчезновения, и Жюлиан воспользовался ею, чтобы напечатать тысячи листовок. Лин с горечью убрала снимок в бумажник.

– Вставай, пошли, – сказал Колен, кивнув в сторону двери. – Я провожу тебя на виллу. Хочу убедиться, что там все в порядке и ты будешь в безопасности.

– Нет, лучше я останусь с ним.

– Скоро его увезут на новые обследования, которые продлятся несколько часов. Доктор хотел бы, чтобы Жюлиана не слишком волновали перед анализами, это очень важно. Да и тебе следует немного отдохнуть.

– Нет, я все-таки останусь. Подожду возле приемного покоя. – Лин печально взглянула на мужа. – Он ее даже не узнал... Свою собственную дочь... Он все забыл. Как можно позабыть о такой трагедии? Трагедии, которая... как кислота, буквально разъедает душу?

Она нежно поцеловала Жюлиана в лоб; она очень переживала за мужа, и одновременно в ней бушевала ярость. Кто мог так жестоко напасть на него? И за что?

Лин сняла с лежащей на тумбочке связки ключ от дома, тихонько вышла и присоединилась к сыщику, который как мог пытался успокоить ее.

– Жюлиан получил сильнейший удар по голове, не мне тебе рассказывать, что возможна потеря памяти. Во всяком случае, он хотя бы знает, кто он такой. У него не полная амнезия.

– Да, но это может тянуться неделями, не оставляя следов, заметных на сканере. Возможно даже... что он не вспомнит некоторых эпизодов своей жизни. Что какие-то воспоминания будут безвозвратно потеряны.

– Ты прекрасно знаешь, медики всегда очень осторожны в прогнозах и избегают чрезмерного оптимизма.

– Я просто умираю от желания рассказать ему о смерти Сары, чтобы спровоцировать что-то вроде эффекта электрошока. Ужасно видеть его пустую оболочку, ведь он так бился, ничего не упустил... Что мне делать? Как заставить человека снова вспомнить о тех трагических событиях? Как ему рассказать, что Джинсон сделал с нашей девочкой? Это... это невозможно описать...

Колен только слабо улыбнулся в ответ:

– Сейчас, конечно, не самый подходящий момент для возвращения домой, но тебе станет легче, когда ты ненадолго остановишься, побудешь в тишине, вдали от гвалта и суматохи столицы. Пусть время делает свое дело. А главное, позволь врачам выполнять свою работу, ладно? Жюлиан выпустается, к нему вернется память, и все будет как прежде. Он здесь, ты в Париже. А что, нормально.

В его голосе прозвучали язвительные нотки. Пока Жюлиана обследовали, Колен оставался рядом с Лин. Когда поздним утром врач встретился с ними, она не узнала почти ничего нового. Теперь предстояло осмыслить результаты, а главное, дать Жюлиану отдохнуть. Дождавшись, когда доктор уйдет, Колен позвенел ключами от ее машины.

– Давай. Я поеду за тобой. Будь осторожна, ветер разогнал туман, но дует очень сильно.

В кабине своего автомобиля Лин вдруг ощутила страшную пустоту. Муж потерял память, лишился всех воспоминаний. Ей были известны механизмы памяти, шесть лет на-

зад она написала роман, на героиню которого, страдающую амнезией, было совершено нападение, и вдобавок ее изнасиловали⁷. Ретроградные амнезии являются последствием физического удара или психологического шока. Для людей с таким недугом езда на велосипеде, пересказ комиксов или перечисление имен президентов Республики – детская игра, зато они практически не могут восстановить в памяти события собственной жизни. Жюлиан не вспомнил ее, хотя они знают друг друга уже двадцать лет. В его глазах она не заметила даже искорки узнавания, только два остывших черных уголька. Если бы она надела белый халат, он принял бы ее за кого-нибудь из медицинского персонала.

Незнакомка.

Эта мысль была ей невыносима. До какой степени разрушена память ее мужа? Что может случиться, когда он узнает о несчастье, произошедшем с их дочерью? Испытает ли он какие-нибудь чувства или воспримет это известие с безразличием, как если бы ему сообщили о визите во Францию посла Патагонии?

У Лин перехватило горло, когда в ветровом стекле возник силуэт маяка в Берке, а колеса зашуршали по ведущей к их вилле разбитой дорожке. Городок показался ей каким-то мутантом, опасным существом из страшной сказки. Теперь Лин испытывала нечто худшее, чем банальный ужас. Внутри

---

⁷ Автор упоминает свой собственный роман «Фантомная память», вышедший на русском языке в 2018 г.

у нее все сжалось, желудок свело – так бывало всякий раз, когда она видела, как маяк обшаривает своим лучом черный берег, заглядывает за автофургоны, выхватывает из темноты какие-то крадущиеся вдоль скал тени. Лин не покидало впечатление, будто этот город стал каким-то паразитом, угнездившимся в ней, разросшимся и отложившим свои мерзкие яйца. Она явственно увидела поднывавшую изнутри к ее горлу черную руку Нила Мирора, и ее затошнило.

Песчаные змеи ползали по асфальту, свивались клубком в выбоинах, дюны все теснее подступали к Лин, словно хотели ее задушить, похоронить в своих складках. И этот вечный песок, словно вырвавшийся из адской печи... Лин бросила взгляд в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что Колен все так же едет за ней. Ближайший сосед живет больше чем в трехстах метрах, так что, кричи не кричи, никто не услышит.

Перед «Дарящей вдохновение» дорога заканчивалась тупиком. Жюлиан не загнал в гараж свой внедорожник, что для него, маниакально любящего порядок, было нехарактерно.

Лин припарковалась возле машины мужа и вышла, поплотнее запахнув пальто. Колен поставил свой автомобиль рядом и, сгибаясь под порывами ветра, помог ей донести чемоданы. Обломки ракушек, мелкие камешки и все, что веками разъедала эрозия, градом хлестали по рейкам ставней, выводя барабанную дробь, напоминающую стук дождя по крыше. Дыхание моря отдавало насыщенным запахом соли и водорослей. Заблудившиеся волны с влажным хрипом

яростно набрасывались на естественное течение Оти. Звуки, запахи... Лин уже ощущала прилив дурных воспоминаний. Она поспешно взбежала по ступеням из тикового дерева, попыталась вставить ключ в замочную скважину, но не смогла.

– Вот черт, похоже, он сменил замок!

– Наверняка из-за взлома.

– Я сообразила прихватить с тумбочки его ключ, сейчас попробую.

Она порылась в кармане, подышала на замерзшие ладони и сделала вторую попытку. Сработало. В тот момент, когда она открыла дверь, раздались пять тревожных сигналов, потом мощная сирена буквально оглушила ее. Лин прижала к ушам ладони и тут увидела утыканную кнопками белую панель. Экран требовал ввести код. Она набрала четыре-пять комбинаций и вышла из дома. Мощность звука была такова, что оставаться внутри не представлялось возможным.

Они с Коленом, который как раз закончил телефонный разговор, укрылись в его машине.

– Я позвонил по номеру, указанному на корпусе сигнализации. Парень из охранного агентства уже был в курсе, он подъедет через десять минут.

Чтобы включить обогрев, полицейский завел двигатель.

– А пока, что касается расследования. Мы запросили оператора связи твоего мужа и внимательно изучили присланную им выписку за последний месяц. Сказать особенно нечего, но есть один странный звонок, сделанный в прошлую пят-

ницу. Жюлиан позвонил психиатру в Реймс, а потом стер звонок из архива, вот почему вначале у нас ничего не было.

– Психиатру? В Реймс?

– Да. Мне удалось до него дозвониться. Его зовут Джон Бартоломеус. Он сообщил мне единственное, что ему известно: Жюлиан хотел записаться на консультацию на сегодняшнее утро. Но не пришел, и поэтому...

– Жюлиан, к психиатру? Хорошо, допустим, но почему он записывался так заранее?

– Ты права, учитывая расстояние, я сомневаюсь, что твой муж договаривался о консультации по поводу психологической проблемы. Но Бартоломеус также является психиатрическим экспертом при суде. Случается, он даже разъезжает по всей Франции. Я на всякий случай спросил, не работает ли он по делу Джинсона, – оказалось, что нет. Однако тут есть одна заковыка, в которой стоит разобраться. Я этим займусь.

Сигнализация продолжала завывать. Лин задумалась, для чего она им вообще нужна: здесь, на этом пустынном берегу, сирену все равно никто не услышит, а за десять минут много чего может случиться. Наконец прибыл парень из охранного агентства.

Колен предъявил полицейское удостоверение, Лин сообщила, что является владелицей виллы, показав в доказательство удостоверение личности, и добавила, что ее муж в настоящее время отсутствует. Но в подробности не вдавалась.

Техник оказался не слишком дотошным. Меньше чем за минуту он положил конец невыносимому вою сирены. Лин и Колен смогли войти в дом. Она отряхнула засыпанную песком одежду.

– Как давно здесь сигнализация?

– Специалисты агентства установили ее около двух месяцев назад, после кражи со взломом. Дорогущая. Все входы снабжены датчиками, невозможно попасть вовнутрь, чтобы система не сработала. Сейчас я дам вам новый код для ее включения и выключения. Двадцать восемь восемьдесят два.

Лин записала цифры в телефон.

– А зачем новый код? Вы что, должны менять его при каждом проникновении?

– Нет, это по просьбе владельца виллы, после событий вчерашней ночи.

– А что произошло вчера ночью?

– Сработала сигнализация... примерно в час ночи. Я ментально позвонил на мобильник мсье Моргану. Он ответил и сообщил, что сигнализация сработала, когда он вошел. Я спросил его имя и пароль, как полагается в таких случаях, но он сказал, что не помнит ни кода дезактивации, ни пароля. Его слова прозвучали как-то... игриво.

– Он выпил?

– Да. И немало. Тогда я приехал, чтобы убедиться, что все в порядке.

Нахмурившись, Колен взялся за блокнот. Лин зябко потирала плечи. В доме было тепло, но она никак не могла согреться, странные события следовали одно за другим быстрее, чем в ее триллерах.

– И что, так и оказалось? Никаких неприятностей?

– Да. Мсье Морган явно вернулся из бара в Берке. Двери были сохранены, я обошел объект – никаких нарушений. Мсье Морган попросил, чтобы я изменил код и продиктовал мне цифры: два восемь восемь два. Потом с большим трудом подписал документ, и я уехал. Хотите, чтобы я проверил дом?

– Да нет, все будет в порядке.

Получив подпись Лин на протоколе вторжения, специалист объяснил ей, как работает сигнализация. Когда он уже садился в машину, романистка подбежала к нему и спросила:

– Кстати, а какой пароль он должен был сказать вам по телефону?

– «СараДетка». Он такой и оставил. Вы должны будете называть нам его, если возникнут проблемы.

Когда он уехал, Лин, прищурившись, посмотрела вокруг. Песок искрился и слетал с дюн, словно горсть золотой пыли от дыхания какого-то гиганта. Она вернулась в дом и заперла дверь на два оборота. Колен тем временем быстро обошел помещения первого этажа.

– На первый взгляд все в порядке. Хорошо бы ты загнала

машины в гараж, если завтра хочешь нормально уехать. Что за наказание этот песок! Даже будь у меня деньги, я только из-за него никогда не купил бы твой дом!

– В любом случае «Дарящая вдохновение» не продается. Ладно, загляну в морозильник. Там наверняка завалялась пицца. Сойдет?

– Отлично.

Комнаты показались Колену слишком большими и пустыми по сравнению с его квартирой. По едва уловимым штрихам угадывалось присутствие Жюлиана: оставленная на кресле куртка, пара ботинок на ковре, его сваленные кучей на столе видеодиски с записями танцовщицы фламенко Сары Барас. Но никакого хаоса, никакого беспорядка, как могла бы ожидать Лин. Она осознала, насколько чужой стала для нее теперь «Дарящая вдохновение» – этот дом, который столько дал ей и столько отнял.

Разогрев пищу в микроволновке, она вернулась к Колену. Он читал инструкцию к охранной системе и поочередно нажимал на кнопки. Лин протянула ему тарелку.

– Оставь, я потом сама этим займусь.

– Я хочу быть уверен, что ты в безопасности.

– Не беспокойся... Замки сменили, да к тому же есть эта жуткая сирена, она спугнет даже глухого.

Они перекусили в благодатной тишине. Лин вернулась к себе домой, на эту великолепную виллу, которую у нее больше не получалось любить.

– Спасибо, Колен. За все.

– Не за что. Знаешь, отпуск еще только начался, а я уже скучаю.

– А, так ты...

– Все в порядке, я поеду к родителям не раньше тридцатого, на Новый год. Я уже думал, чем мне занять время. Я не намерен оставлять это нападение безнаказанным.

Лин улыбнулась. Надо быть слепой, чтобы не заметить, что Колен только о ней и мечтает с тех самых пор, как появился у них в доме после исчезновения Сары. Однажды ночью Лин отдалась ему. Просто от отчаяния. А потом, когда сообщила, что уезжает в Париж и больше не вернется в этот дом, она прочла грусть в его глазах. В столице она пропадала *ad vitam aeternam*. Пусть в Берке Лин находилась в объятиях Жюлиана, но она была здесь, достигаемая, хотя бы в мечтах.

Лин хотела прервать возникшую между ними легкую неловкость. Она направилась к библиотеке, несколькими каменным нишам в глубине гостиной. В светлое время, когда солнце выглядывало из-за облаков, через широкое окно слева можно было видеть часть залива и серое переливчатое море. Лин нажала на кнопку, открывающую все ставни, и осмотрела стеллажи.

– Я хранила по четыре экземпляра всех своих романов. Теперь осталось по три. Я думаю, Жюлиан прав: сюда кто-то приходил.

Колен взял в руки рамку, стоящую на полке. Фотография

Жюлиана в желтой непромокаемой рыбацкой куртке и резиновых сапогах. Собирает мидии.

— А может, это Жюлиан их переставил? Что, если он захотел перечитать твои книги?

— Тут не только нападение, Колен. Происходят странные вещи. Жюлиан повсюду использовал пароль «СараДетка», на компьютере, в своих интернет-аккаунтах... Не мог он, даже выпив, его забыть! Ведь так он называл нашу дочь! Как могло случиться, что он не сумел вспомнить код сигнализации?

— Алкоголь способен играть с людьми злые шутки. Я думаю, ты не понимаешь, до какой степени Жюлиан был не в себе.

Колен поставил рамку на место и взглянул на часы:

— Пятнадцать часов. Мне пора. Я не спал со вчерашнего дня, у моей кошки закончилась еда, а когда ей нечего есть, она безобразничает. Может, это что-то вроде приступов ревности, не знаю. Надо бы проконсультироваться с ветеринаром.

Он взял со столика ключи от внедорожника:

— Только прежде давай загоним машины.

По лестнице в конце коридора Лин спустилась в подвал и подняла гаражные ворота. Колен завел внедорожник Жюлиана и поставил его возле велосипедов. Лин маневрировала на своей маленькой городской машинке. Когда оба автомобиля оказались под крышей, она заперла гараж. Поднявшись по лестнице, она обернулась. Колена не было.

– Колен?

Никакого ответа. Она спустилась на одну ступеньку.

– Колен?

– Я здесь... Я... Посмотри-ка... Я кое-что нашел.

Сказано это было очень серьезным тоном. Лин ощутила, как в ней растет беспокойство. Что еще он ей сообщит? Какую очередную странность он заметил? Его взлохмаченная и слегка поредевшая шевелюра появилась над открытым багажником внедорожника. С сосредоточенным лицом Колен что-то фотографировал на телефон.

– Я решил заглянуть в багажник, так, на всякий случай.

Романистка подошла и тут же в ужасе зажала рот ладонями. Она увидела на внутренней металлической части багажника кое-как процарапанные ногтями окровавленные буквы. Кто-то скребся там внутри, кто-то во что бы то ни стало хотел выбраться.

Кровавые буквы складывались в слово, и это слово обрушилось на рассудок Лин, как удар дубиной.

«ЖИВА».

Лин перешла с травяного чая на виски. Теперь она сидела на диване, все еще в шоке от их находки. Перед глазами стояла чудовищная, недоступная пониманию картина: Сара, запертая в машине Жюлиана, скребущая металл, пытающаяся окровавленными пальцами нацарапать сообщение. Ведь она думала: Сара пропала четыре года назад и была мертва, убита, как и все остальные жертвы Энди Джинсона. Мертва!

– Все происходящее невозможно, Колен! Ты сам видел, как мой муж гробил себя, разыскивая нашу девочку. Долгие годы он жил только надеждой найти ее. Трех месяцев не прошло с тех пор, как он явился в комиссариат Лиона, чтобы попытаться узнать подробности дела Джинсона. Но это написанное кровью слово, эти царапины... Кто-то был заперт в ЕГО машине, и совсем недавно, потому что иначе я бы увидела, когда еще жила здесь. Какая-то женщина, которая ссадила себе пальцы и написала именно это слово. Не «на помощь», не «спасите», а «жива».

Колен был невозмутим, как статуя, он, глубоко задумавшись и храня тягостное молчание, склонился вперед. Наконец он заговорил:

– Действовать надо будет умело. Нападение на твоего мужа позволило начать судебное расследование, дающее нам массу возможностей. За счет следствия я сделаю анализ ДНК

этой крови, получу в больнице образец ДНК Жюлиана, это избавит тебя от необходимости сдавать кровь, и мы сможем сделать тест на родственную связь его ДНК и крови из багажника.

Лин кивнула. Монотонная и какая-то официальная речь полицейского покорила ее.

– Для чего все это, если тебе достаточно сравнить ДНК крови из багажника с пробами ДНК Сары из национальной картотеки?

– Потому что у меня нет ни малейшего желания, чтобы дело опять ушло от нас. Запрос во FNAEG⁸ относительно профиля Сары привлечет внимание лионских сыщиков, и они прикатят сюда. А я этого не хочу. До тех пор пока можно вести это дело так, как оно было квалифицировано, то есть как нападение, мы будем держать банк. Автомобиль принадлежит твоему мужу, так что я на законном основании сделаю запрос судье.

Лин перекачивала стакан в ладонях. Колен боится упустить дело. Она не сводила глаз с кучки пепла в камине.

– Если ты думаешь, что... кровь принадлежит Саре или что она могла сама написать это сообщение, значит... ты все еще, четыре года спустя, считаешь, что Жюлиан может быть в этом замешан? И что все ошиблись насчет Энди Джинсона? Но, Колен, ты отдаешь себе отчет...

– В багажнике автомобиля твоего мужа обнаружена кровь.

---

⁸ FNAEG – национальная автоматизированная картотека ДНК. (Примеч. авт.)

Я обязан рассмотреть все варианты.

Он утонул в кресле, подперев ладонью лоб, словно старый мыслитель.

– Послушай... Ты ведь знаешь, все эти годы у меня здесь было достаточно времени, чтобы поразмыслить. Зимой в Берке нечего делать, только шевелить мозгами. Вот я и шевелил, задавал себе вопросы. Изю дня в день мусолил детали расследования. Но когда ты всего-навсего мелкий провинциальный сыщик, тебе сложно двигаться вперед, потому что у тебя нет доступа к скрытым подробностям, и, даже находясь в самой сердцевине процесса, ты неминуемо оказываешься не у дел. Когда ты просишь, чтобы тебе разрешили прочесть то или это, или высказываешь свои соображения, тебе намекают, что, мол, лучше тебе и дальше разнимать драчки между алкашами в своем ничтожном захолустье. Эти парни из лионской криминалки не самые симпатичные ребята.

Он вытащил блокнот и помахал им перед собой.

– Значит, надо самому соображать, ловчить, добывать информацию окольными путями. Я делаю записи в этом блокноте уже четыре года. Он посвящен... твоей семье. Здесь всё: мои замечания, хронология дела. Ты не представляешь, сколько раз я его перечитывал, сколько раз размышлял над каждой деталью, имеющейся в нашем распоряжении. Хочешь знать, что я думаю сегодня? Что вокруг Джинсона и исчезновения твоей дочери много странностей.

Эти слова из уст Колена опять заставили Лин вздрогнуть.

Он никогда не шел наперекор принятому решению. А мог бы? Он же сам говорил, что он никто.

– Например?

– Ты готова выслушать эту историю еще раз? С самого начала? Все, что нам известно с той самой ночи, когда пропала Сара? И... со всеми грязными подробностями, это нелегко, я бы не хотел, чтобы ты...

– Прошло четыре года. Мы с Жюлианом пережили весь этот ужас, и я готова, Колен. Я знаю, что Джинсон сделал с моей девочкой, с другими похищенными девушками, и стараюсь научиться жить с этим знанием. Я знаю, какое он чудовище. Так что давай говори.

Их разговор и исписанные страницы блокнота Колена вернули Лин к ее болезненным воспоминаниям. Вечер 23 января 2014 года возник перед ее мысленным взором, словно это было вчера. Она вспомнила прогулку по пустынному пляжу в поисках идеи для книги, которая все не появлялась: плеск волн, быстрое движение крабов среди скал после их долгого прямого пути по влажному песку, плотный туман, пришедший с моря. Она получила от Сары сообщение и селфи около 17:30, неподалеку от блокауза, расположенного в южной части залива, примерно в километре от виллы. Обеспокоенная более чем двухчасовым отсутствием дочери, Лин в 19:45 несколько раз пыталась дозвониться на мобильник Жюлиана. Он ответил только приблизительно в 20:30, сославшись на то, что заработался в крипте кафедрального собора Нотр-Дам в Булонь-сюр-Мер, в сорока километрах от дома.

– Очень скоро нам стало известно, что Жюлиан солгал. В то время, когда исчезла твоя дочь, он был не в базилике, а с Наташей Дамбрин, своей начальницей, архитектором-реставратором. Он не сразу сознался и едва не угодил в тюрьму из-за этой неприличной истории.

Лин отхлебнула виски. Она вспомнила невыносимые обвинения против Жюлиана, вспомнила, как жалко выглядел ее муж, когда перед ней и сыщиками ему пришлось при-

знаться в своей измене. Стыд, сокрушивший его, и сразу после этого – его сошествие в ад. А она ничего не видела, поглощенная поисками идеи для книги – той самой, что спустя четыре года станет «Последней рукописью». Несмотря на гнев, на разочарование, она поддержала Жюлиана, осталась с ним: только исчезновение дочери имело значение. Но связь, скреплявшая их семью, распалась.

– Алиби твоего мужа основано на трех пунктах: первый – показания Дамбрин. Второй – наличие у них любовного гнездышка, обнаруженного в башне форта Амблетёз. Третий – местонахождение его мобильного по геолокации GPS в Амблетёзе, в шестидесяти километрах отсюда, в то время, когда ты звонила, чтобы сообщить об отсутствии Сары.

Не надо быть ясновидящим, чтобы догадаться, что Колен, даже если он этого явно не выказывает, ненавидит Жюлиана.

– Судебная полиция прекратила расследование в отношении Жюлиана. Только такой псих, как персонажи твоих книг, мог бы похитить собственную дочь, специально оставив свой мобильник в Амблетёзе, чтобы симулировать свое присутствие там, а заодно втянуть в дело любовницу, сделав ее таким образом своей сообщницей.

– Жюлиан обожал Сару, он никогда не причинил бы ей ни малейшего зла. И он мой муж, поэтому такой вариант даже не рассматривается.

– Существует куча доказательств того, что, даже обожая человека, можно причинить ему зло. Ладно, оставим, в лю-

бом случае мы не обнаружили ни одного прокола, никакой улики, противоречащей их показаниям относительно того вечера. С тех пор расследование превратилось в пустую трату времени. Ни свидетеля, ни подозреваемого, ни мотива – ничего в течение полугода, а потом, двадцатого июля две тысячи четырнадцатого года вы получили прядь волос в конверте с почтовым штемпелем Дром. Эта информация распространяется в полицейских картотеках и доходит до криминальной бригады Лиона: они уже три с половиной года ведут расследование по трем исчезновениям. Первое возле Вильфранш-сюр-Сон в январе две тысячи тринадцатого, второе в июле того же года в Аркашоне и третье в ноябре в Гапе. Единственная общая для всех этих преступлений деталь, объединяющая их в одно дело, – отправленная по почте через несколько месяцев после похищения на домашний адрес жертвы прядь волос...

Лин не сводила глаз с одной точки на низком столике. Жуткий момент, когда она вскрыла конверт и обнаружила в нем белокурую прядь, до конца дней останется в ее памяти. Жюлиан рухнул без сил, и его даже пришлось отправить в больницу.

– И тут на сцену выходит тот, кого мы еще не знаем как Энди Джинсона...

– Да... Бесследно исчезающие юные хорошенькие девушки. Мы предполагаем, что преступнику удастся проникнуть в дом к некоторым жертвам, но взлома никогда не обнаружи-

ваем. Места похищений удалены друг от друга, конверты отправлены из разных городов, но почтовый штемпель всегда указывает на один департамент – Дром, где, вероятно, проживает похититель. А главное, имеются эти пряди волос, которые недвусмысленно связывают все четыре похищения...

Он ткнул указательным пальцем в цифры, написанные прямо посреди страницы.

– Пятьсот двенадцать. Нашелся же сыщик, который сообразил подсчитать волосы, и обнаружить, что их каждый раз пятьсот двенадцать. Ни больше, ни меньше. Пятьсот двенадцать волос в каждой отправленной пряди. Наш похититель работает скрупулезно. Полицейские пытаются составить его психологический профиль и сходятся на мигрирующем хищнике: преступник перемещается. Однако есть какое-то определенное место в Дроме, куда он всегда возвращается после своих странствий. Потому его и прозвали Путешественник. Убийца, который где-то отсиживается и нападает, когда подворачивается возможность. Все это постепенно приводит нас на парковку автофургонов в пятистах метрах отсюда... И тогда гипотеза обретает форму: а что, если похититель Сары останавливался со своим фургоном в Берке, одновременно с какими-то другими людьми, оказавшимися там в ночь ее исчезновения?

Колен перевернул страничку блокнота. Разумеется, он знал детали дела наизусть, но записи помогали ему найти точный момент, место, обстоятельства.

– К этим автофургонам мы еще вернемся, а пока продолжим. В две тысячи четырнадцатом и пятнадцатом годах вслед за Сарой пропадают еще пять девушек. Они живут в Сен-Мало, Тулоне, Трапе, Ване и Крее. Таким образом, вместе с твоей дочерью пропавших становится девять. Девять никому не известных благополучных молодых женщин, о которых больше никто никогда ничего не слышал. Конец две тысячи пятнадцатого – это переломный момент. В Марселе пропадает Лора Бурдон, двадцати двух лет. Через два дня после ее исчезновения, когда похититель останавливается в чистом поле, потому что у него лопнуло колесо, ей удастся бежать из фургона, где он держал свою жертву. Она выскакивает на дорогу, какая-то машина подбирает ее, и водитель очень кстати записывает номера автофургона. Спустя несколько часов полиция задерживает шофера на пункте оплаты дорожной пошлины.

– Энди Джинсон, сорока пяти лет.

– Да, безработный строительный прораб, одержимый головоломками и логическими задачками. Число «два» и кратные ему, а также записи шахматных ходов испещряют стены спальни в его доме в предместье Лиона. Все комнаты забиты сотнями цифровых замков и конструкций из металла и дерева. Настоящий сумасшедший. Поначалу дело ведет жандармерия, но очень скоро информацию о нем получают лионские сыщики. Они полагают, что наконец-то задержали похитителя, человека-невидимку, который заставлял их три го-

да распутывать этот клубок... Энди Джинсона.

Лин всего однажды встретилась взглядом с черными глазами Энди Джинсона, во время реконструкции похищения в Вильфранш-сюр-Сон. Полицейский заслон отделил их с мужем от убийцы, а потом и вовсе отвел в сторонку, потому что утративший контроль над собой Жюлиан был готов броситься на Джинсона. Убийца посмотрел на них с полным отсутствием каких-нибудь чувств. Ни малейшего сожаления на лице с седыми усами и потухшими глазами.

Колен вернулся с двумя стаканами воды и, прежде чем продолжать, залпом осушил свой.

— ...Проблема. Энди Джинсон не раскрывает всей правды. Он выдает информацию словно из пипетки, цедит по капле. Он не отрицает девяти похищений, однако в первые недели содержания под стражей не сообщает мест, где закопаны тела. Но даже в такой ситуации ни у кого нет сомнений: это он. В ящике письменного стола у него дома найдены такие же конверты, как те, в которые были запечатаны волосы, полученные по почте родственниками жертв. Устроенные им в фургоне тайники буквально набиты веревками, рулонами клейкой ленты, болеутоляющими и самыми разными наркотиками, а под кроватью у него в спальне полицейские обнаружили хитроумное вместилище размером с человеческое тело, предназначенное для того, чтобы запирасть там своих жертв.

Лин повернулась к закрытым ставням, прислушалась к ба-

рабанной дроби песка в деревянные рейки, представила себе темноту там, снаружи, и затаившиеся в ней тени.

– ...И наконец, оказавшись в тюрьме, он начинает говорить. После трех месяцев заключения он указывает, где в альпийских лесах закопаны три трупа. Этот мерзавец приводит сыщиков на место и дает им точные координаты захоронений по GPS. Из-за...

Колен колебался. Лин кивнула, чтобы он продолжал.

– Я тебе уже сказала, Колен, я в состоянии услышать это.

– Отлично. Из-за высокой степени разложения, вызванного пребыванием во влажной почве и воздействием негашеной извести, тела невозможно идентифицировать. Однако полученные образцы ДНК доказывают, что они принадлежат первой, третьей и седьмой похищенным девушкам. Джинсон с торжеством, от которого тянет блевать, берет на себя изнасилования и калечение. Вот его образ действия: прежде чем, пока они спят, убить их голыми руками (чаще всего путем удушения или же сильным ударом по голове), он несколько дней держит своих жертв в автофургоне и принуждает их к половым актам. А потом избавляется от трупов, глубоко закапывая бог знает где и присыпая негашеной известью, которую покупает в магазинах для садоводов то там, то сям, чтобы не попасться. Подонок, упивающийся своими рассказами и любящий поиграть с полицией.

Лин с шумом набрала в грудь воздух. Когда Джинсона арестовали, она, как и Жюлиан, как и другие родители, хоте-

ла знать. Знать все о мучениях своей девочки, увидеть этого зверя. Сыщикам не удалось утаить от них правду.

– Находясь в тюрьме, он точно помнил координаты каждого тела по GPS?

– Да. И до настоящего времени он сообщил о местонахождении восьми из девяти тел, сделав последнее признание больше года назад. Ему осталось предоставить данные о последней жертве, и это Сара...

Лин опустила наполнившиеся слезами глаза. Она бы все отдала, чтобы знать наверняка, как другие родители. Раз и навсегда определиться. Но кто-то должен быть последним, и именно они с Жюлианом будут страдать до конца, до тех пор, пока этот урод не решит заговорить.

– Он сообщает местонахождение тел, нарушая хронологический порядок. Он специально путает следы, он так забавляется. Ему нравится привлекать к себе все внимание, и поэтому он оттягивает момент признания. Для него это еще одна игра, способ потешить себя за решеткой и снова пережить свой фантазм. Каждое признание для него как очередной глоток свежего воздуха. Подумать только, этот подонок, этот серийный убийца, получает письма от поклонниц всех возрастов... До чего же отвратительно.

При этих словах лицо Колена исказила гримаса.

– В его доме мы не обнаружили никаких следов пребывания девушек. Он их туда не привозил. Он был аккуратен, часто мыл машину. Специалисты службы криминалистическо-

го учета мало чем разжились. Это дерьмо на редкость скользкий тип, умеющий оставаться безучастным, когда ему под нос выкладывают фотографии пропавших девушек. Он как будто подсовывает следователям очередную задачку. Джинсон в тюрьме уже почти два года, а суд до сих пор не состоялся, потому что дело слишком запутанное. Но почему он не сообщает, где Сара, хотя она пропала одной из первых? Почему указал захоронения всех остальных, а ее – нет?

Он прикрыл блокнот ладонью и мрачно посмотрел на Лин. Она вертела в пальцах стакан, неотступно думая о царапинах в багажнике внедорожника. Ее не покидала мысль о сообщении Жюлиана на автоответчике: *«Мне надо рассказать тебе про Сару. Я обнаружил кое-что очень важное»*.

– Наверное, мне не следовало бы говорить тебе, но с тем, что мы нашли в багажнике... Знаешь, имеется только одна деталь, которая в конечном счете по-настоящему соединяет Сару с Джинсоном – прядь из пятисот двенадцати волос. Такую прочную связь нельзя ставить под сомнение. Но разве это делает серийного убийцу неопровержимо виновным? Кто угодно, будучи в курсе истории с волосами и исчезновения Сары, мог послать вам конверт. А таких людей полно: сыщики, судьи, родственники жертв...

– То есть, если я правильно поняла, ты сейчас говоришь мне, что кто-то из них мог это совершить, чтобы сделать Джинсона козлом отпущения?

– Зачем же упускать такую версию? Похититель, не име-

ющий ничего общего с Джинсоном, но насильно удерживающий Сару, состригает прядь ее волос, отправляет вам – и уловка сработала. Было несколько утечек информации, кто-то мог что-то услышать. Это объяснило бы, почему Джинсон до сих пор не указал местонахождение тела: он просто не знает, где оно. Ты в своих книгах описываешь подобные закрученные ситуации. Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, что по части преступлений воображение некоторых людей не имеет границ.

Лин бросила взгляд в сторону книжных шкафов.

– И ты, значит, относишь к ним Жюлиана... Снова ты подозреваешь его... Нет-нет, это не работает, до получения пряди он не мог знать про волосы. Он никогда не ездил в Валанс, или куда там еще, чтобы отправлять эти проклятые письма. Джинсон знал здешние места, он бывал в Берке. Он описал Сару точно так же, как других жертв, он говорил про залив, про дюны, про дом. Как ты это объяснишь?

– Давай поставим все точки над «и». Я не обвиняю Жюлиана. Я просто говорю, что Джинсон, возможно, не имеет к этому отношения. Тебе известно, как проходит допрос в полиции. Подозреваемого пытаются припереть к стенке, чтобы он признался, ему под нос суют фотографии, твердят что-нибудь вроде: «Ну же, колись! Это ведь ты ее похитил? В этих дюнах ты прятался, чтобы застать ее врасплох? Смотри на фотографии и говори!» Короче, сама знаешь. Джинсон отлично мог собрать все эти данные, воспользоваться ими и

повторить. Добавить к своим победам еще одну жертву.

– О'кей, допустим невозможное: Джинсон не похищал Сару... А как быть со свидетелями, с теми двумя, которые утверждают, что вечером, когда Сара была похищена, видели фургон Джинсона на парковке? Ты же сам их нашел! Они остановились в зоне отдыха двадцать третьего января две тысячи четырнадцатого. Они клялись честью.

– Спустя два года, Лин. Им показали автофургон через два года.

Он вновь открыл блокнот и показал вклеенную в него фотографию «фиата» модели «Шоссон Велкам 55».

– Вот что они видели. Я проезжаю мимо этой парковки как минимум три раза в неделю. Знаешь, сколько там машин такой модели? Она же одна из самых распространенных. Наши свидетели видели автомобиль, а не того, кто в нем сидел. Да, по их словам, автофургон той же модели, что у Джинсона, тронулся в путь среди ночи. И да, это может показаться странным, но разве есть какое-то строго определенное время, когда следует уезжать с паркинга? Возможно, владельцу тачки завтра надо было на работу, у него возникло срочное дело или просто предстояла долгая дорога, а он предпочитает ездить ночью?

Тон Колена изменился, в нем вибрировало какое-то новое возбуждение, как если бы странные подробности нападения и находка в багажнике дали ему возможность вырваться из тисков бездействия.

– Когда ты в чем-то убежден, все совпадения, которым в обычное время ты даже не придавал бы значения, превращаются в улики. В некие детали, похожие на адресованные нам сообщения. Тогда как это всего лишь совпадения... Пони-маешь, о чем я?

– Да, понимаю. Это твое мнение. Но не мое.

От усталости Лин едва держалась на ногах; насколько она помнила, прошла целая вечность с тех пор, когда ей удалось проспать всю ночь, не пробуждаясь по несколько раз. Они с Коленом поговорили еще минут пять, а потом она проводила его до двери. Он отдал ей ключи от внедорожника.

– Двери и багажник я закрыл. Вернусь завтра около полу-дня, чтобы взять пробы крови на ДНК. Не прикасайся к ма-шине. – Он опустил глаза и тут же снова поднял их. – Хоро-шо, что ты здесь.

Когда он уехал, Лин бросила все как есть и поднялась на-верх, чтобы поскорее вытянуться в постели. Дверь комнаты Сары была приоткрыта. Она заглянула туда, в горле снова заворочался тяжелый ком. Ничего не тронут. Те же постеры с портретами спортсменов, та же одежда на спинке кровати. Та же боль, не стихающая вот уже четыре года. В этом доме кровоточила открытая рана. Ничего удивительного, что пси-хика Жюлиана не выдержала.

Лин вошла в супружескую спальню, занесла туда чемодан и улеглась, скрестив руки на груди и даже не сняв одежду. Какой кошмар! Она одна на этой огромной уединенной вил-

ле, как один из ее персонажей, попавший в грозу. Одинокая, растерянная, потрясенная. Она вообразила себе романиста, которому доставило бы удовольствие манипулировать ею, лишить ее рассудка. Она буквально видела, как описывает в книге собственную историю, подобно Арпажону из ее «Последней рукописи», вкладывая в нее всю черную гнусность мира. Черный – всегда этот цвет. Черный цвет одежды, которую она носила подростком, черный цвет... она его любила и все-таки вышла от него по ночам в далекие времена.

Внезапно Лин пронзило холодом, она резко села в кровати. Невидимая ледяная рука коснулась ее. Она действительно ощутила это прикосновение.

«Это у тебя в голове...»

Обхватив себя руками за плечи, чтобы согреться, Лин пошла в ванную принять душ. Она не могла бы сказать, что здесь чего-то не хватает, что кто-то заходил сюда и воспользовался их личными интимными вещами. Потом она все подробно осмотрит. Однако она ощутила некоторое неудобство: Жюлиан убрал ее кремы, мыло и шампуни в глубину шкафа. В буквальном смысле стер следы ее присутствия.

Существовала ли еще она для того, прежнего Жюлиана? Что теперь будет с новым Жюлианом, лишенным памяти? Осталась ли в этом горе возможность заново построить будущее для двоих? Есть ли у них еще один шанс?

В эту среду около восьми вечера она легла в их холодную постель, на сторону Жюлиана, прижав колени к животу,

свернувшись в позе эмбриона в надежде успокоиться. Внимательно посмотрела на дверь, распахнутую в темноту коридора, встала, заперла ее на ключ и снова легла под одеяло.

Подушка пахла мускусом. Это был ласкающий запах мужа, навевающий воспоминание о его спокойной силе. Прежде чем пригасить свет в спальне – она описывала ужасы, но не хотела спать в полной темноте, только не сегодня, – Лин сняла часы и открыла ящик прикроватной тумбочки, чтобы убрать их. У нее екнуло сердце, когда она увидела там оружие.

Лин с первого взгляда узнала ствол, она уже натыкалась на него в своих поисках: девятимиллиметровый «зиг-зауэр парабеллум».

Ей было известно, что это оружие сыщиков: в ее книге таким пистолетом Жюдит убила Арпажона.

Лин взялась за рукоятку. Правильная пушка, она стреляла из такой в тренировочном центре. Серийный номер не сбит, значит это явно не игрушка, переходящая из рук в руки на черном рынке или проданная за бешеные бабки. Что делает здесь смертельное оружие? Где Жюлиан его раздобыл? Почему именно та модель, что в «Последней рукописи»?

Лин нажала на выталкиватель гильз, магазин скользнул вниз.

Почти полный. Почти.

Точно как в книге, в нем не хватало одной пули.

В четверг около полудня Вик не знал ни где лучше встать на тротуаре напротив лица, ни как себя вести. Ему казалось, что все подростки разглядывают его, и поэтому он ходил взад-вперед, не отрывая от уха телефон. Он бесконечно прослушивал сообщения на автоответчике, чтобы как-то занять себя и исподтишка наблюдать за выходящими лицеистами. Вик вдруг осознал, что с начала учебного года, то есть с сентября, из-за того, что его жизнь превратилась в настоящий бардак, он ни разу не пришел за дочкой в школу. Эта мысль неприятно кольнула его.

Увидев Корали в компании одноклассниц, он сунул телефон в карман и помахал ей. Увлеченная болтовней с подружками, девочка его не заметила.

– Корали!

Она стремительно обернулась, бросила на него взгляд, такой же мрачный, как макияж вокруг ее глаз, и, перекинув сумку через плечо, торопливо зашагала прочь.

– Нам надо поговорить.

– О чем? Мне нечего тебе сказать.

– Зато мне есть.

Девушка поняла, что ей от него не отделаться, и, чувствуя, что на них смотрят и она рискует опозориться со своим всклокоченным папашей в какой-то допотопной куртке,

которого никто никогда не видел, увела его на газон, к облетевшим деревьям и пустым скамейкам. Увидев свою оперившуюся и расправившую крылья дочку здесь, среди почти взрослых одноклассников, Вик осознал, до какой степени она уже не девчушка, которая росла у него на глазах. Он позвенел ключами от машины.

– Во сколько у тебя следующий урок? Я бы хотел, чтобы мы вместе где-нибудь перекусили.

– Времени нет, а даже если бы было, я бы не пошла.

– Ты знаешь, что сделала твоя мать? Что она сказала?

Словно бы для того, чтобы создать еще один, более надежный, барьер между собой и отцом, она скрестила руки на вырисовывающейся под плотным пальто груди.

– Что ты ночуешь в жалком отеле, а врешь, что снимаешь квартиру. Это уже совсем не смешно, папа.

– Я не хотел, чтобы... В общем, я понимаю, вовсе не круто иметь отца, ночующего в отеле, и хотел избавить тебя от этого.

– Спасибо, ты очень внимателен. Но знаешь, до чего же отвратительно, что ты забыл о моем ежегодном отчетном концерте в классе танца. Я сама просила тебя не присутствовать на нем, я понимаю, что это выше твоих сил, мне только хотелось, чтобы ты меня туда отвез на своей тачке. Но мсье не оказалось перед домом именно в тот момент, когда это было для меня так важно!

– Я... Я знаю... Понимаешь, это свалившееся на меня рас-

следование, разборки с твоей матерью... да много всякого... Но почему же ты мне не позвонила, черт побери! Я бы тут же примчался, я...

— Мама не хотела, чтобы я звонила тебе. Но ничего страшного, мы, как обычно, справились сами. Нет проблем.

— Детка, я все выходные думал о твоём выступлении, честное слово, это даже написано большими буквами на дверях моей комнаты.

— На дверях твоей комнаты? А ты не мог записать, ну, не знаю, например, в свой телефон?

— Там всего полно... А главное, я бы и не подумал туда заглянуть. Знаешь, как это работает? Эти штуковины, призванные заменить память, не для меня. Слушай, я правда хотел отвезти тебя и тоже пойти на твой концерт, клянусь, но вчера вечером я слишком поздно вернулся в квар... в отель. У нас с матерью сейчас все очень сложно. Да мы еще тебя впутали в свои отношения.

Он обратил внимание на зеленые рейки скамьи перед собой. Двенадцать параллельных реек, промежутков между ними пять сантиметров, ну, может, шесть. Интересно, та, что справа, такая же? А следующая? Он спохватился и посмотрел дочери в глаза:

— Мне бы не хотелось, чтобы ты рассказала об этом судье.

— Мама уже записала, что следует рассказать. У нее в блокноте это обведено красным. И уж она-то, конечно, не забудет. Телефон Вика зазвонил в самый неподходящий момент.

Он хотел отклонить вызов и замешкался, снимая перчатки. Аппарат выскользнул из рук и упал на землю. Корали тяжело вздохнула, как это делают подростки, видя неловкость взрослых.

– Тебе даже в голову не приходит заняться собой, пап, или хотя бы снять квартиру и жить в ней, это ведь не так сложно. В один прекрасный день ты забудешь покормить Мам-Ам, и она умрет от голода. Потому ее и нельзя оставить тебе. Ты, конечно, обладаешь феноменальной памятью, но, несмотря на это, вполне можешь забыть дышать. Мама устала, пап, ей больше не удастся справляться со всем этим.

Сыщик, кряхтя, нагнулся, чтобы поднять телефон, а распрямившись, увидел спину удаляющейся Корали. Он сделал пару шагов за ней, но девушка уже переходила улицу. Он крикнул:

– Поужинаешь со мной на Рождество? Можем сходить, например, в китайский ресторан. Я знаю один, недалеко от отеля...

Его дочь обернулась и покачала головой. Сжав губы. Губы, которые, казалось, хотели сказать «да», но сдержались. Она быстро ушла прочь, накинув на голову капюшон. Вик не двинулся с места, хлопьями повалил снег, а он стоял на виду у родителей, которые из окон своих автомобилей могли наблюдать это жалкое зрелище – никчемного отца.

Он взглянул на вдребезги разбитый мобильник:

– Твою мать!

Слава богу, аппарат работал, сенсорный экран пока реагировал. Вик прослушал сообщение Вадима, а подходя к машине, уже знал количество реек на других скамейках. Теперь каждый раз, оказываясь возле лица, он будет вспоминать это число, каждое слово разговора с дочерью в парке, снег, поваливший в двенадцать двадцать две, и отчетный концерт Корали, о котором он из-за своего редкостного идиотизма напрочь забыл.

Через полчаса пара В + В воссоединилась у дверей лаборатории патологической анатомии и цитологии человека, находящейся недалеко от променадного парка города Ош. Их срочно хотел видеть уполномоченный заместителем генерального прокурора патологоанатом Жюльен Ферриньо. Сейчас он в задумчивости стоял возле стола из нержавеющей стали, на котором лежали кисти рук со снятой скальпелем с кончиков пальцев кожей.

– Мы по-прежнему не знаем, чьи это руки?

– Нет. Результаты анализов ДНК придут не раньше чем через два-три дня. Лаборатория завалена пробами по делу Шамруса. Вечно эти дурацкие истории приоритетов, как будто два убийства менее важно. В данный момент мы не имеем достаточных оснований на поиски в картотеке пропавших без вести. Что же касается SALVAC⁹, она не отправляет нас ни к одному совершенному в последние годы преступлению. В настоящее время обе наши жертвы остаются безымянными.

Халат Ферриньо был застегнут на все пуговицы, до самого верха, а восковой оттенок лица в точности повторял цвет резиновых перчаток, которые обтягивали его руки, словно

---

⁹ SALVAC (Système d'analyse des liens de la violence associée aux crimes) – Система анализа связей насилия, находящегося в соответствии с преступлениями. (Примеч. авт.)

вторая кожа.

– А вот я много чего могу сообщить вам.

Он взял ножовку и вложил ее в руки Вика.

– По предварительным результатам я могу заключить, что конечности обеих ваших жертв – владелицы этих кистей и той, у которой кисти отсутствуют, – отрезаны пилой именно такого типа, с чередующимися активными и пассивными зубьями. Это видно по бороздкам на костях. Мною также обнаружены следы голубого антикоррозийного покрытия. Я собрал несколько оставленных ножовкой металлических частиц и выдам их вам для анализа, если вы видите в этом пользу.

Вик осмотрел пилу. Обычный инструмент, какой можно купить в любом магазине стройтоваров. Убийца действовал кустарным способом. Медик поднял левую кисть.

– У меня есть хорошая новость и плохая. С какой начать? Вадим оказался проворнее:

– С хорошей.

– Ладно. Похоже, я нашел детали, которые помогут в вашем расследовании.

Он положил кисть под лупу с шарнирной стрелой.

– Итак, на тыльной стороне ладони мы имеем большой уродливый шрам, старая восстановительная хирургия, это мало что нам дает. Но... – он перевернул кисть, – видите надрезы на ладони? Они недавние.

Вик нахмурился. Рубцы были сгруппированы и равномер-

но расположены.

– Похоже, они сделаны сознательно и образуют определенный узор.

Ферриньо кивнул:

– Вы правы. И на другой ладони то же самое. Такие же узоры. Никакой случайности. Хозяйка рук сама нанесла себе эти раны, как будто для того, чтобы что-то сообщить.

– Или же это сделал убийца.

Ферриньо улыбнулся:

– Из меня вышел бы очень плохой сыщик. Но это еще не все. Идите-ка сюда.

Он подвел полицейских к микроскопу. Под увеличительными стеклами между двумя стеклянными пластинками были зажаты фрагменты кожи. Патологоанатом осветил экран, и на нем появился папиллярный узор.

– Я по кусочкам проанализировал, увеличил и пронумеровал рисунки последних фаланг, как если бы теркой снимал с пальцев тончайшие пленки кожи толщиной в несколько микрон. Вот, например, различные слои дерматоглифа большого пальца правой руки. Папиллярные линии совершенно нормальные, идентичные в каждом слое.

Он нажал на клавишу компьютера.

– Теперь указательный палец.

Вика передернуло. На некоторых срезах папиллярные линии отсутствовали, словно их уничтожили.

– Невооруженным глазом это почти незаметно, но слои

клеток, образующих поверхность эпидермиса, оказались разной толщины. Я проверил на всех пальцах: подобные характеристики относятся только к последним фалангам указательных пальцев обеих рук.

– Как если бы она повредила себе подушечки указательных пальцев, потому что обо что-то их терла? Но обо что? О дерево? О наждачную бумагу?

– Это вызвало бы более серьезные повреждения, эпидермис был бы нарушен более глубоко и неравномерно. Здесь же все тонко. Аккуратно. Связь с какой-то профессией, которая задействует именно эти два пальца? Возможно, она имела дело со швейным ремеслом, с тканями, что-то вроде этого. Надеюсь, мои замечания смогут вас как-то сориентировать.

Вадим отмахнулся, как бы говоря: «Всего-то?»

– Конечно, лучше, чем ничего, однако я не назвал бы это хорошей новостью. Стоит ли интересоваться плохой?

Ферриньо со щелчком снял перчатки.

– Минуточку. Я получил из токсикологической лаборатории ответ, касающийся обеих жертв. Кровь той, у которой проломлен череп, ничем не примечательна, кроме дефицита железа, минеральных солей и тому подобных показателей, обычно сопутствующих длительному лишению свободы, в отчете вы увидите все данные. А вот... насчет хозяйки этих рук, тут совсем другое дело. Анализы показали наличие большого количества карведилола.

Вик понимающе кивнул:

– Бета-блокатор, снижающий кровяное давление и сердечный ритм.

– Да. Следует знать, что этот препарат гонит кровь от конечностей. У принимающих его пациентов руки и ноги часто бывают холодными. Обнаружены также следы буфломедила – вазодилатора, тоже предназначенного для снижения артериального давления.

– То есть жертва, возможно, проходила курс лечения?

– Только не в таких дозировках. Кроме того, анализ кератина ногтей не показывает старых следов этих медикаментов. Но это еще не все: мы также выявили морфин в очень высокой концентрации. Не стану вдаваться в подробности, но это болеутоляющее третьего уровня, позволяющее облегчать очень сильные, иными словами, невыносимые боли.

– Как после ампутации...

– Да. Но только, если мы обнаружили наличие морфина в кистях рук, это означает, что он присутствовал в теле жертвы до ампутации.

Вадим не был уверен, что понял.

– Но не хотите же вы сказать, что она была жива, когда он отрезал ей кисти?

– Как раз именно это я и говорю. У меня даже сложилось впечатление, что ваш клиент сделал все, чтобы притупить боль и уменьшить кровотечение. Иными словами, можно предположить, что сейчас, когда мы с вами беседуем, владелица рук еще жива.

Вадим сидел на скамейке в парке Оша, под стоящими вереницей тополями, спутанные ветви которых, казалось, отмахивались от снежных хлопьев. Горы уже несколько недель назад накинули на себя белую мантию и теперь не снимут ее до апреля. Зябкие они, горы, не любят холод. Сыщик вытащил из пачки сигарету и зажал в полных губах.

– Вот ведь скотство: стоит решить бросить курить, непременно снова начнешь из-за чего-нибудь. Я-то думал, что праздничные дни будут спокойными, благоприятными для принятия хороших решений. Как бы не так!

Вик стоял перед ним, глубоко засунув руки в карманы. На его плечах и волосах лежал тончайший слой снега. Обычно в этом саду кипела жизнь, но сейчас он был пустынным. Только вдалеке какой-то тип гулял с собакой. Вик подумал, что всегда, в любую погоду и в любое время суток найдется человек, выгуливающий в парке собаку.

– Слышал, Вик, что сказал Ферриньо? Если во время ампутации кровотечение было взято под контроль, то при применении правильных медикаментов и регулярных перевязках она могла выжить. Но без соответствующего ухода она в конце концов умрет от заражения крови и в любом случае будет страшно мучиться. Когда эти руки обнаружили в багажнике?

– В понедельник. В двадцать два часа... девять минут.

– Мать твою, да мне плевать на минуты! Главное, что прошло уже как минимум три дня! Три дня, как...

Он глубоко затаился.

– С чем мы имеем дело, Вик? С какой еще пакостью этого отморозка? Я хочу сказать, наши коллеги взялись за Энди Джинсона два года назад, а он, дерьмо такое, заставляет их вкалывать до кровавого пота, даже сидя за решеткой. А теперь вот еще и мы подцепили Живодера, полоумного, который ему ни в чем не уступает...

Энди Джинсон... Путешественник... Вик по-прежнему пристально следил за тем делом, его странным образом что-то постоянно сталкивало с убийцей. Примерно полтора года назад, когда он ездил в Лион на четырехдневные курсы по борьбе с терроризмом, его тамошние коллеги все еще барахтались в деле Джинсона. И Вику представилась возможность увидеть фотографии прядей волос разных жертв Путешественника. В последний день курсов он попросил допустить его к вещдокам, чтобы подсчитать количество волос в каждой пряди. Зачем? Он и сам не знал, а потому ответил: «Хочется посчитать». Над ним откровенно посмеялись и посоветовали убираться восвояси.

Спустя два дня ему позвонили, чтобы поздравить: кто-то все-таки занялся подсчетом волос, и в каждой пряди их оказалось пятьсот двенадцать. Тогда лионские коллеги задали вопрос Джинсону: почему пятьсот двенадцать? Убийца не

ответил, но пожелал встретиться с сыщиком, который оказался способен подобрать ключ к тому, что он назвал «кодовым замком от входной двери в его мир».

Тогда Вик получил свободный доступ к досье Джинсона, ко всем протоколам, к целому набору отчетов: вскрытия, отчеты экспертов, психиатрическая экспертиза – с целью глубже проникнуть в тайны личности убийцы. У Энди Джинсона, человека очень умного, было сложное детство: жестокий отец, издевательства в школе из-за его уродливой внешности, годы, проведенные в интернате для трудных подростков, где дети росли во враждебном окружении и вдали от родных гор. Став взрослым, он так и не смог получить стабильную работу.

Беседа состоялась в помещении лионской бригады уголовного розыска. Сыщики надеялись, что Вику удастся расколоть Джинсона и тот назовет местонахождение последних тел. Напрасно. Убийца не сказал ничего, кроме того, что и так уже было известно следствию. Под конец разговора он попросил бумагу и карандаш и написал: «Каспаров – Топалов, 1999». После чего вернулся в свою камеру, напоследок бросив одно-единственное слово: «Misdirection». Или искусство отвлекать внимание.

Как и его коллеги, Вик тоже голову сломал над одной из самых знаменитых шахматных партий, Каспаров – Топалов, на сорок четвертом ходу выигранной знаменитым русским чемпионом Гарри Каспаровым. Эту партию называли «Бес-

смертной». Но до сих пор никто не понял смысла загадки Путешественника. Если сегодня все-таки решить ее, заставит ли это Энди Джинсона указать наконец местонахождение Сары Морган?

Вик покачал головой. А Вадим все говорил:

– ...Слишком много за такое короткое время. Как ты думаешь, может, этого требует мир, в котором мы живем? Может, происходит что-то вроде нарастания или ускорения жестокости?

Вик подумал об оскорблении, нанесенном ему женой в отеле, о разводе, о ссоре с Корали возле лица, обо всех этих политиках, телеведущих и журналистах, сражающихся друг с другом при помощи подставных лиц или путем убийственных сообщений в социальных сетях. А еще о том, что Рождество он проведет в одиночестве, уткнувшись носом в папки с уголовными делами вместо блюда с индейкой.

– Просто мир, в котором мы живем, слишком торопится. А жестокость всего лишь подстраивается, пытается попасть в ритм.

– Почему он сохраняет ей жизнь? И почему другой он пробил череп? Той, другой, Путешественник тоже отрубил кисти рук, но она к тому времени, судя по словам Ферриньо, уже была мертва. Никак не могу просечь логику.

– Но она, безусловно, есть. Наш клиент придерживается определенной линии. На заправке, когда у него угнали тачку с трупом, он даже не испугался. Надо просто постараться

влезть к нему в башку.

– Влезть к нему в башку... Ну-ну... Когда у тебя получится, пришлешь адресок...

Вик принялся ходить взад-вперед, уставившись в собственную ладонь. Он вспоминал крошечные ранки на ладонях. Они выглядели такими упорядоченными. Намеренно нанесенные отметки, не цифры и не буквы. Какой-то код?

– Мы должны сосредоточиться на том, что имеем. Две кисти рук... Как ты думаешь, что бы могло так аккуратно изменить поверхность папиллярных узоров на кончиках правого и левого указательного пальца?

– Понятия не имею, может, то, что она щелкала по клавиатуре, как все мы?

– Только указательными пальцами?

– Или тыкала пальцами в самолеты на экране радара, или же совала их в банки с пастой для снятия слепков. Вик, мать твою, да откуда я знаю! Что эта дешевая бредятина может нам дать? Лучше поможем ребятам узнать, откуда взялся этот сраный «форд».

– Мимолет и Дюпюи, кстати, как раз сейчас шерстят все записи автозаправки. Пока не видно, чтобы «форд» хоть раз там останавливался.

– И что? Надо, например, обойти все дома в окрестностях заправки. Шевелить задницей, а не таскаться, как за подаванием, из лаборатории в лабораторию.

– Мы этим и занимаемся, шевелим задницей... Размыш-

ляем...

– Лучше бы мы размышляли на месте, отоварили бы этого придурка как следует. Я не такой, как ты. У меня мозги не похожи на морскую губку. Понимаешь, мне бы надо размять ноги.

Вик потер указательные пальцы один о другой.

– Она что-то растирала. Что-то, что не цепляется за кожу. Патологоанатом говорил о тканях. Это... повторение движения, стирающего поверхность папиллярного узора... Только кончики двух пальцев...

Профессии мелькали у него в голове, как если бы он быстро перелистывал страницы энциклопедии. Вадим встал со скамейки, раздавил каблуком едва прикуренную сигарету и, отряхнув куртку, направился к выходу из парка.

– Давай поразмыслим об этом потом, о'кей?

Обернувшись, он увидел, что Вик буквально замер на месте. Его коллега, не двигаясь, смотрел на идущего в их сторону человека с собакой. Морель слишком хорошо знал своего напарника, чтобы понять, что у того в голове завертелись шестеренки, что нейронный механизм, возможно, готовился выплюнуть решение, которое способен найти только этот мозг. Напарник у него не сыщик, а сущая беда: испытывает почтение к судопроизводству и бумажной волоките, стреляет из пистолета, как полный идиот. Зато умеет разговаривать с людьми, вдобавок у него случаются необъяснимые прозрения, которые уже не раз очень помогали расследованию, а

его самого частенько избавляли от отстранения от дела. Как тогда, когда ему пришлось в голову посчитать волосы в каждой пряди.

Тяжело ступая, Морель уставился на него:

– Ну и? Что за профессия?

Вик жестом попросил его подождать. Потом повернул телефон экраном к напарнику:

– Эти старые порезы на ладонях имеют отношение к азбуке Брайля. Там написано: «СЖАЛЬТЕСЬ».

– Азбука Брайля? Кроме шуток?

– Азбуку Брайля читают кончиками указательных пальцев обеих рук. Именно это повторяющееся движение по выпуклым точкам постепенно стирает папиллярный узор.

Сыщики многозначительно переглянулись.

– Она слепая.

– Мне кажется, я знаю, кто это.

Вик бросился к стоящему перед ним компьютеру Вадима. Полицейские вот уже десять лет работали в одном кабинете уголовного отдела гренобльского филиала, входящего, как и аналогичные подразделения Шамбери, Аннеси, Валанса и Сент-Этьена, в состав межрегионального управления судебной полиции Лиона. Комнатушка так себе: четыре завешанные постерами и фотографиями и давно уже не слишком белые стены; летом здесь бывало чересчур жарко, а зимой холодно, но сыщики считали ее своим логовом, в котором они чувствовали себя хорошо. Морель развернул к напарнику экран:

– Аполлина Рина, восемнадцать лет, пропала полтора месяца назад. Единственный тревожный случай исчезновения слепой за последние десять лет. Вполне вероятно, что это именно она.

Ошеломленный своим открытием, Морель откинулся в кресле. Данные указывали на то, что молодая женщина пропала из дома своих родителей в Сен-Жерве-ле-Бен, городе, расположенном в доброй сотне километров от Гренобля.

– Дело ведут наши коллеги из Аннеси.

Вик подошел к окну, за которым кружились редкие хлопья снега. От одной жертвы остались только кисти рук, а

ведь у нее было имя, лицо, улыбка. У Аполлины были светлые кудрявые волосы и мягкие губы. Хорошенькая девушка с тонкими чертами лица. Сыщик взглянул на часы: начало четвертого.

— Ладно, я погнал в Аннеси, позвони, Расскажи про руки и предупреди, что я еду. И доложи обо всем шефу, пусть свяжется с ними, чтобы можно было побыстрее обменяться делами. Вполне вероятно, на кону жизнь этой девушки.

Морель едва успел кивнуть, как его напарник уже прихватил фотографии. Обычно Вику нравились такие дни, когда расследование набирало обороты, находились новые зацепки, а время летело, как падающая звезда. Но сейчас все было иначе. Он удалялся от Корали и приближался к дьяволу, к уроду, который держал взаперти, пытал и изувечил как минимум двух девушек: слепую Аполлину и ту, у которой было содрано лицо и вырваны глаза. Тут явно прослеживалась связь со зрением. Навязчивая идея убийцы? А что, если он до такой степени опасался, что его будут разглядывать, оценивать, что лишил свою жертву глаз и уничтожил ее лицо?

Сыщику вспомнились буквы азбуки Брайля, составившие на каждой ладони несчастной слово «СЖАЛЬТЕСЬ». Аполлина по-своему зывала о помощи. И никто ей не ответил. А теперь она была одна, в темноте своего существования, лишенная рук, и, может быть, ждала, чтобы пришли ей на помощь.

Экс-ле-Бен, Аннеси, по газам! Полтора часа спустя Вик

ехал вдоль свинцовых сонных вод озера Аннеси. Горные вершины терялись в низких, отяжелевших от влаги облаках, город сжался, как скорчившийся в постели больной. Зимой города в горах и сами превращаются в горы.

Вика принял руководитель группы по делу Рина капитан Филипп Бульгронье. Он пригласил его к себе в кабинет и предложил кофе. Стены темной и захлавленной, как кладовка, комнаты были увешаны фотографиями девушки, набросками с соединенными между собой стрелками именами и географическими названиями. Капитан понуро сгорбился в кресле на колесиках – он был шокирован, увидев снимки багажника «форда» и фотофиксацию вскрытия...

– Когда работаешь над подобными исчезновениями, всегда ждешь худшего. Но это... отрубленные руки, тело без рук... Говорите, две жертвы... И Аполлина, возможно, еще жива, несмотря на отрезанные кисти? Это... немыслимо.

Вадим уже все рассказал ему по телефону. Угон «форда», тело в багажнике, ампутированные конечности, поврежденные чтением азбуки Брайля указательные пальцы... Разумеется, следовало бы дожидаться результатов аутопсии, но все говорило за то, что кисти принадлежат Аполлине.

Бульгронье придавил ладонью толстую папку.

– Аполлина страдала пигментной ретинопатией – дегенеративным заболеванием глаз, разрушающим клетки сетчатки. К двенадцати годам она ослепла и жила в полной темноте.

Вик неотрывно смотрел на фотографии девушки в платье в цветочек.

— Как она пропала?

— Все произошло под вечер, второго ноября этого года, в доме ее родителей. Они живут за городом, в красивом особняке на возвышенностях Сен-Жерве. Место довольно уединенное. Родители уехали, оставив Аполлину с ее собакой-поводырем по кличке Вулкан.

Вернувшись вечером, они обнаружили воющего возле дома лабрадора. Аполлина исчезла. Мы предполагаем, что злоумышленник похитил ее во время прогулки. Она любила бродить с собакой по окрестным лесам.

— Есть какие-то улики?

— Расследование сложное. Никаких следов, ни одного свидетеля. Ничего подобного ни в Сен-Жерве, ни поблизости никогда не случалось. Собака и мухи не обидит, так что трудно сказать, знал похититель свою жертву или нет.

Капитан подошел к закрывающей часть стены карте региона.

— Это произошло в начале ноября, во время каникул по случаю Дня Всех Святых. В остальное время Аполлина живет в интернате при институте для слепой и слабовидящей молодежи «Сеноны» в Монтаньоле, в нескольких километрах от Шамбери. Учреждение способно одновременно принять до ста человек в возрасте от четырнадцати до двадцати лет.

Он указал на фотографию института, с высокими каменными стенами и гранитными арками. Старинное здание, напоминающее гору. Вик представил себе монастырь с сестрами в монашеских чепцах и церковными песнопениями, разносящимися по гулким пустым коридорам.

– Слабовидящие проживают там круглый год, за исключением школьных каникул, а некоторые из них посещают учебные заведения системы Национального образования в Шамбери. Несмотря на свой недуг, они по возможности пытаются жить нормальной жизнью подростков старшего возраста.

Вик ткнул пальцем в левую часть фотографии:

– Часовня?

– Точно. «Сеноны» прежде были католической школой, так что некоторые религиозные традиции остались. Многие из числа слепых постояльцев заходят в часовню помолиться или собраться с мыслями. Непременно надо за что-то зацепиться, когда вокруг тебя полная тьма.

Перед внутренним взором Вика снова сверкнул подвешенный к ретровизору «форда» крестик на золотой цепочке. А что, если убийца имеет какое-то отношение к институту? Может, работает в нем?

– Вы проверили персонал?

– Постепенно проверяем. Сложно обрисовать все сразу, за несколько минут, вы сами ознакомитесь с делом. У молодежи есть самые разнообразные занятия, они встречаются со многими людьми. Тут и преподаватели, и медики, и

методисты, и простые работники, и родители. Нам неизвестно, был ли преступник знаком с Аполлиной, или речь идет о случайном похищении. Во всяком случае, не следует пока исключать такую возможность. Разумеется, мы допросили друзей и подруг Аполлины в «Сенонах». Ничего подозрительного, никаких тайн или любовника, классические отношения с коллективом. Похититель, возможно, случайно оказался возле ее дома в Сен-Жерве. Живодер заметил прогуливающуюся уязвимую женщину и похитил ее. Ведь на слепой так легко сорвать зло.

– Нет, не думаю. Кое-что заставляет меня предполагать, что наш клиент живет в окрестностях Шамбери.

– Что именно?

– Возможно, полуинтуиция.

– «Полуинтуиция»? Значит, именно это я должен сказать ее родителям? «Полуинтуиция»?

– Я чувствую, что он встретился с Аполлиной в школе, а может, даже в институте. Ему было известно, где она живет, он должен быть хорошо знаком с ней или же имел доступ к ее личному делу. Быть может, он намеренно дожидался каникул, чтобы не обнаружили слишком очевидную связь с Шамбери или Монтаньолем. Чтобы направить ваше внимание и поиски в другое место.

– Вы и правда располагаете только догадками своей «полуинтуиции» или же у вас есть доказательства?

– Вы составите собственное мнение, когда ознакомитесь

с присланными нами отчетами. Надеюсь, наше руководство договорилось с вами о том, чтобы побыстрее обменяться до-
сье?

– Поскольку ситуация не терпит отлагательств, мы действительно заинтересованы работать вместе.

Вик поднялся. У него появились кое-какие идеи. За окном уже совсем стемнело, крупными хлопьями валил снег.

– Если я не хочу надолго застрять здесь, мне лучше пуститься в обратный путь.

Бульгронье в последний раз внимательно изучил фотографии с места преступления и вернул их Вику.

– Что, по-вашему, связывает Аполлину и другую жертву из багажника?

– Еще слишком рано говорить об этом.

Мужчины обменялись рукопожатием. Вик уже выходил из кабинета.

– Лейтенант Альтран!

Бульгронье держал в руке его шарф. Вик улыбнулся:

– В этом году уже по меньшей мере пятый. Мне свойственно терять вещи, – он прикоснулся к виску, – а не только память.

– Мне это знакомо. И с возрастом лучше не становится. Кстати, с тех пор как вы здесь, меня мучит один вопрос: не видел ли я вас по телику? В какой-то игре или что-то в этом роде?

– Должно быть, вы обознались.

Вскоре Вик уже выехал на автотрассу в сторону Гренобля, а спустя полчаса свернул на департаментскую дорогу D1006, позвонил Вадиму и включил громкую связь.

– Ты что, и правда считаешь, что наш клиент состоит в штате института? Ты сомневаешься, что коллеги из Аннеси уже все там прошерстили?

– Учреждение дает возможность получить религиозное образование, а в «форде» на зеркале заднего вида висела цепочка с крестиком. В «Сеноны» мне почти по пути. В любом случае я ничем не рискую, если поинтересуюсь у директора, знаком ли ему серый «форд». Просто нанесу визит вежливости.

– Визит вежливости? Не дури, Вик, ладно? Давай не будем злить коллег из Аннеси. К тому же у нас пока нет бумажки, дающей нам право делать, что хотим.

– Вот именно, в бумажках вся проблема. Подумай об Аполлине, Вадим. Просто на секунду задумайся о ней.

Вик сердито разъединился. Достали эти формальности! Какой-то мерзавец отрезал девочке руки, ее жизнь висит на волоске, как можно ждать никому не нужных сраных бумаженок?! Фонари вдоль обочин встречались все реже, только небольшие живые просветы в вечной тьме скал. Дорога стала петлять и постоянно сужалась, словно вонзаясь в мир хаоса, где всегда царит ночь. Наступили сумерки, но было видно, как снег тонким переливчатым слоем устилает асфальт.

Вскоре в свете фар появился указатель «Монтаньоль», за-

тем у подножия массива Шартрёз возник злобещий силуэт института «Сеноны». Тьму пронзали только три-четыре окошка, светящихся в разных местах трехэтажного строения. Вику показалось, что маловато, но он тут же вспомнил, куда приехал: в мир, где света не существует.

Жюлиан читал, когда ранним вечером в четверг в больницу пришла Лин. После бессонной ночи, проведенной в размышлениях о причине появления «зиг-зауэра» в ящике прикроватной тумбочки, она предпочла покинуть виллу на время, когда Колен и команда службы криминалистического учета копошились вокруг багажника внедорожника. Она пока не стала говорить Колену про свою находку, пусть у нее самой в голове прояснится.

Лин придвинула стул и уселась возле кровати:

– Как ты себя чувствуешь?

Жюлиан показал ей книгу: «Последняя рукопись».

– Ее сегодня утром, после обследования, принес врач. Я уже почти дочитал. Он мне и другие твои книги обещал. Довольно забавно открывать для себя собственную жену через роман, в особенности если его автор – мужчина. Как я понимаю, не следует говорить, что это ты?

– Здесь кто-нибудь наверняка знает, но я бы не хотела, да. И ты тоже.

– Мне надо отвлечься от твоей героини, которая держит в заточении писателя, от этой Жюдит Модруа, иначе я начну думать, что она рядом со мной. Ты пишешь такие... сложные и... жуткие вещи... Скажи мне, что эта женщина на тебя не похожа.

– Ни в малейшей степени. Она всего лишь плод моего воображения.

Он отложил роман и покрутил на пальце обручальное кольцо. Лин понимала его слова, хотя казалось, что они вылетают из зоба пеликана.

– А давно мы женаты? Как получилось, что я не сбежал? Я ведь живу с настоящей психопаткой!

Лин постаралась улыбнуться:

– Я пишу всего десять лет. «Последняя рукопись» – моя пятая книга. К тому времени как я стала писать, мы знали друг друга уже десять лет. Я выросла в Дюнкерке и преподавала в Берке, как мои родители. Ты нечасто будешь видеть их: выйдя на пенсию, они уехали в Тайланд. Нет, они нас не бросили... просто... они хотят жить своей жизнью, воспользоваться...

В ее глазах появилось мечтательное выражение.

– Когда мы познакомились, ты уже занимался реставрацией архитектурных сооружений... Школа, где я работала, оказалась одним из твоих объектов, так мы и познакомились.

Он сел в постели лицом к ней.

– Первое: я живу с какой-то знаменитостью. Второе: мне нужно чтение. Пять книг, говоришь? Я очень рассчитываю проглотить их, мадам «Нил Миррор»¹⁰. Миррор как «зерка-

---

¹⁰ Здесь два «р», как в тексте оригинала. Заметка на полях рукописи Калеба Траскмана говорит о том, что это умышленно. (Примеч. авт.)

лю» по-английски¹¹, я полагаю?

Когда Жюлиан произнес ее псевдоним, Лин почувствовала, что смутилась, хотя не могла бы объяснить почему. То ли муж произнес его как-то по-другому, то ли ей показалось, будто он присматривается к ней, словно хочет что-то угадать. Так бывает с новым романом: месяцами ждешь его выхода, наконец получаешь и спешешь впиться глазами в его строки. Лин попыталась скрыть свое смятение.

– Можно и так сказать.

– А с чего это вдруг? Я имею в виду... Как тебе пришла в голову мысль взять мужской псевдоним? И писать такие зловещие истории?

Лин никогда не могла ни ответить на этот вопрос, ни проникнуть в тайны творчества. Она была учительницей, как до нее учителями были ее родители. В детстве она не поджигала мухам крылышки, а в юности не увлекалась фильмами ужасов. Да, она прочла много детективных романов, но это не могло объяснить чернуху ее стиля. Лин резко сменила тему:

– Я говорила с доктором. Сегодня он высказывается более обнадеживающе. Другие твои виды памяти, навыки, автоматические движения не пострадали. Повреждений мозга врачи не заметили... Похоже, сегодня утром у тебя уже было какое-то просветление?

– Логопед по одному давал мне разные фрукты. И среди них был банан. Это длилось всего какую-то долю секунды,

---

¹¹ Mirror (англ.).

но я увидел себя в голубых шортах на банановой плантации. И тебя рядом со мной. Это возможно?

Напрасно Лин напрягала память, ей ничего не пришло в голову. Но она утвердительно кивнула.

– Самые старые воспоминания наиболее устойчивые. Именно они первыми вернутся к тебе.

– Надеюсь. Расскажи мне о нас все. Где мы живем, кто я, про свою работу, про мою. Куда еще мы ездили? Есть ли у нас дети? Скажи, у нас большие дети? На фотографии, которую ты мне показывала вчера, наша дочь, я полагаю? Где она?

Лин испытала острую потребность прижаться к нему, уткнуться лицом в его плечо. Когда он отстранился от нее, она плакала. Он поймал пальцами слезинку, погладил Лин по щеке. Проявления нежности – этого давно уже не было.

– Что случилось?

– Прости, мне так странно... Ну, что ты потерял память... И ничего не знаешь о нас. Твои незначительные жесты, твои взгляды. Как будто все остановилось, время повернулось вспять, и мы начали нашу историю сначала.

Он помахал книгой:

– Как в твоём романе «Последняя рукопись». Истории возобновляются, но никогда не заканчиваются. – Он улыбнулся. – Доктор сказал, что большинство пациентов, потерявших память, испытывает страх. А я нет. Потому что ты здесь.

– Так вот, чтобы ответить на твой вопрос, да, у нас есть дочь, она...

Врач порекомендовал не совершать психологического насилия над Жюлианом. Система, находящаяся в его черепной коробке была хрупкой, называй ее памятью или психикой. Действовать надо осторожно. Лин вынула из бумажника фотографию и показала мужу:

– Это Сара. Она учится при университетской клинике Сен-Люк в Бельгии. Ее фишка – фотографии, она это обо-жает, постоянно делает снимки, ты потом посмотришь! Я... я не говорила ей, что на тебя напали. Пока нет. Она... у нее сейчас много зачетов, и... я не хотела волновать девочку.

Жюлиан прикоснулся к глянцевой бумаге. Ложь была пыткой для Лин, она с трудом сдержалась, чтобы не выложить ему разом всю правду. Что может быть хуже, чем лгать о своем умершем ребенке?

Муж внимательно посмотрел на нее:

– Она так на тебя похожа.

– Она похожа на нас обоих.

– Можешь оставить мне эту карточку? Вдруг это поможет вспомнить.

– Я дам тебе другую. Эту я всегда храню при себе.

Жюлиан кивнул и вернул ей снимок. Теперь он смотрел на нее тяжелым взглядом.

– То, что со мной случилось... это нападение... Были ли какие-то причины? Может, вокруг нас происходит что-то

опасное? Утром меня навестил сыщик...

– ...Колен Бершерон.

– Да, Колен Бершерон. Он сказал, что у меня ничего не украли, что это случилось на прогулке. Но... мне показалось, он меня в чем-то подозревает, он... упрекает меня в чем-то... Непохоже, чтобы я ему нравился. При этом он со мной на «ты».

– Мы живем в маленьком городке. Колен добросовестный полицейский, он просто делает свою работу. На данный момент никто не понимает, что произошло.

Жюлиан посмотрел куда-то за спину Лин. Позади нее стоял мужчина. Жак Морган подошел к кровати и наклонился с высоты своих метра девяноста, чтобы обнять сына:

– Что они с тобой сделали, мерзавцы...

Он сразу заметил плачевное состояние памяти Жюлиана и в коридоре обсудил это с Лин. Его усеянный коричневыми пятнами лысый череп блестел под неоновыми лампами. Годы не пощадили Жака Моргана, но и в шестьдесят два он еще выглядел крепким стариком. Жюлиан унаследовал от отца большие светло-карие глаза и нижнюю губу в форме сердечка – одни гены, один брак производства. Лин обрисовала ему ситуацию, повторила то, что ей говорили врачи и что она рассказала Жюлиану про Сару. Жак отреагировал резко. Упрямо, как баран, опустив голову, он резко произнес:

– Так лгать – чудовищно...

– Первое время так лучше, это для его же блага. Нам с ва-

ми следует придерживаться одной линии поведения. Избегайте разговоров о Саре, о нашем с ним разрыве. Для него мы по-прежнему живем на вилле вместе, а Сара учится в Сен-Люке, ладно? Надо действовать постепенно... Что касается всего остального... то тут нет причины лгать.

– А как насчет его матери? То есть ее самоубийства?

– Не знаю. Возможно, стоит сказать ему. Поговорите об этом с врачами.

– Хорошо.

– В последнее время я совсем забыла о вас, простите. Как вы, Жак?

– Справляюсь. Конечно, после кончины Жанны я остался совсем один. Однако это одиночество я предпочитаю тому, во что она превратилась.

Он ссутулился и сунул руки в карманы шерстяной куртки. Лин не стала продолжать. История Жанны Морган и связь, которая, несмотря ни на что, соединяла эту пару, конечно, навсегда останутся загадкой. Они направились к двери в палату.

– Вы можете ночевать у нас на вилле.

– Не беспокойся, я не хочу надоедать. Буду попеременно оставаться здесь или в рыбацкой хижине по другую сторону дамбы. Я взял с собой работу: конец года – надо закрыть счета клиентов. А что, если Жюлиана выпишут к Рождеству? Тогда до моего отъезда мы могли бы все вместе устроить маленький праздник у вас дома.

Лин кивнула. Рождество через четыре дня. Жак вошел в палату. У Лин зазвонил телефон.

– Колен? Можно попозже? Не сейчас: я в больнице и...

– Мы со специалистами тщательно проверили внедорожник. Тебе надо приехать. Я обнаружил еще кое-что...

– Что?

– Я бы хотел, чтобы ты сама увидела. Жду в подвале твоей виллы. Давай скорей.

Он разъединился. Когда Лин обняла Жюлиана, внутри у нее все сжалось от тоски и тревоги; ее страшил результат этого чертова анализа крови из багажника. Она подумала о пистолете, в котором не хватало одной пули. А вдруг Жюлиан переступил границы? А вдруг, движимый желанием отомстить, гневом, ненавистью, он что-то натворил? Что-то, чего она пока не понимала?

Лин попрощалась со свекром и, едва живая от страха, уехала. По дороге ей пришлось ответить на звонок своего пресс-атташе – та беспокоилась, куда она делась. Лин объяснила, что на мужа совершено нападение, он потерял память и она должна какое-то время оставаться с ним. И роман, за который она принялась больше четырех лет назад, который исторгла из себя, из самого своего нутра, – теперь последнее, что ее беспокоит.

– Я понимаю, Лин, занимайся своими делами, сколько потребуется, книга идет своим путем, с приближением Рождества продажи растут. Но я звоню тебе потому, что, вооб-

ще-то, с ней возникла большая проблема. Франсуа должен связаться с тобой. Что-то у нас... Черт возьми, просто бардак какой-то.

– О чем ты?

– Какой-то тип хочет подать жалобу о плагиате, – ответила

Пэм.

Лин притормозила у обочины.

– О плагиате? Это шутка?

– Мишель Иствуд. Тебе что-нибудь говорит это имя?

«Кровавое рондо».

– Впервые слышу.

Последовало долгое молчание, не предвещавшее ничего хорошего.

– Этот человек совершенно никому не известен, но больше двадцати лет назад он под псевдонимом написал два детектива. Один из них – пресловутое «Кровавое рондо», вышедшее в девяносто первом... Книжечка в двести пятьдесят страниц.

1991 год. Ее отрочество. К этому времени Лин уже прочла много детективов, и все книги она помнила великолепно. Но ни название, ни имя автора ни о чем ей не говорили.

– ...Я посмотрела статистику, продал он не много. Хотя количество купленных экземпляров не имеет значения. Я только что внимательно ознакомилась с его романом и обнаружила более чем пугающие совпадения с «Последней рукописью».

Лин испытала острое желание бросить трубку – сейчас у нее есть дела поважнее, чем разбираться с теми, кто хочет нажиться за ее счет.

– Например?

– Его главный герой тоже старый писатель, которого считают пропавшим без вести в море. А на самом деле одна сумасшедшая силой удерживает его в своем доме и заставляет писать для нее. Романист не завершает свою книгу, психопатка убивает его и публикует роман под собственным именем, назвав его «Конец истории».

– Ну и что? Что тут такого! А сам-то он, что ли, не вдохновился Стивеном Кингом? И если уж на то пошло, неужели мы станем набрасываться на всех писателей, сочинивших историю о невозможной любви, обвиняя их в плагиате «Ромео и Джульетты»? К тому же названия «Конец истории» и «Последняя рукопись» не имеют ничего общего.

– Да, но все же, ты подклеиваешь незавершенный роман к концу истории, и книга готова.

– Ха-ха-ха, очень смешно...

– Я не шучу. Я хочу сказать, что связь можно найти. А главное, есть другие детали, в которые Мишель Иствуд и его издатель не замедлили ткнуть нас носом. Конечно, не бог весть что, и все же... Его писателя зовут Орпожон, он живет не в Бреа, а на бретонском острове Иль-Гранд. Твой Арпажон в прошлом серийный убийца, его писатель – педофил. Я знаю, это не одно и то же, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.